

[Polaris]

АРЕНИДА

Фантастика в советском
КИНО

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СII

Salamandra P.V.V.

АРЕНИДА

Фантастика в советском
кино

Издание второе,
дополненное

Salamandra P.V.V.

Аренида: Фантастика в советском кино. Сост. М. Фоменко.
Изд. 2-е, дополн. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 117 с. –
(Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып.
СII).

В книгу вошли избранные сценарии и сценарные планы научно-фантастических фильмов, созданные советскими фантастами, кинематографистами и сценаристами в 1930-е-1960-е годы. Большинство их, к сожалению, по разным причинам так и не были воплощены на экране. Во втором издании заполнена имевшаяся лакуна в сценарии В. Морозова и Н. Эрдмана «Полет на Луну».

© Authors, 2016

© М. Fomenko, состав, примечания, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

От составителя

Фантастика, научная и ненаучная, была изначальной спутницей кинематографа – вспомним хотя бы «Замок дьявола» (1896), «Лабораторию Мефистофеля» (1897) и «Путешествие на Луну» (1902) пионера кино Жоржа Мельеса, созданные на рубеже веков фантастические киноленты англичан Джорджа Альберта Смита и Уолтера Р. Бута, американца Эдвина С. Портера... Пожалуй, кинематограф немислим без фантастического.

Русский, а затем советский кинематограф в этом смысле не был исключением. В 1909 г. ряд фантастических фильмов («Вий», «В полночь на кладбище») снимает В. Гончаров; в 1919 г. появляется коллективная «Железная пята», в 1923 г. – «Призрак бродит по Европе» и «Слесарь и Канцлер» В. Гардина; список научно-фантастических фильмов двадцатых годов («Аэро НТ-54», «Коммунит», «Луч смерти» и др.) достойно венчает классическая «Аэлита» (1924) Я. Протазанова. И даже позднее, в период упадка 1930-х - 1950-х годов, фантастика в СССР пробивалась на экраны.

Но еще больше, чем вышедших на экраны кинофильмов, существовало сценариев, набросков и планов... Таковы и включенные в настоящую антологию вещи, в основном – по разным причинам – не дождавшиеся своего воплощения. Актер и режиссер К. Эггерт, собиравшийся ставить кинофильм по «Арениде» А. Казанцева и И. Шапиро (1936), был репрессирован; умер А. Довженко, не успев перенести на экран свой предсмертный замысел «В глубинах Космоса» (1954); любопытный сценарий Г. Голубева и А. Леонтьева «До свидания, Земля!» (1961) прошел незамеченным, а «сценарий-шутка» И. Росоховатского «Виток истории» (1964), конечно, и вовсе не предназначался к экранизации. Более других повезло В. Морозову и Н. Эрдману, чей сценарий «Полет на Луну» лег в основу первого в СССР послевоенного мультипликационного фильма (1953). Утешением может послужить мысль о том, что от замыслов остались по крайней мере тексты, представляющие собой не просто «прикладные», но и самостоятельные научно-фантастические произведения.

М. Фоменко

А. Казанцев, И. Шапиро

АРЕНИДА

Мы печатаем отрывки из сценария и либретто фильма «Аренида», получившего высшее отличие на всесоюзном конкурсе научно-фантастических фильмов, проведенном Межрабпомфильмом. В конкурсе приняло участие около 200 ученых Советского Союза. Лучшее произведение конкурса — «Аренида» — написано научными работниками т.т. Казанцевым (Москва) и И. С. Шапиро (Ленинград).

Часть 1.

Надпись: «1913 год».

Седой профессор, порывисто поднявшись, роняет стул. В его руках телеграмма.

К нему подбегают два его ассистента. Все трое перечитывают листок, который держит ученый в дрожащих руках. Обмениваются изумленными взглядами.

На экране — коридор научного института. Вздурораженные группы ученых. Все время слышатся обрывки фраз.

«Камерлинг Оннес... Космический холод... Невероятно...»

Небольшая лаборатория известного американского исследователя Холмстеда.

Ближайший помощник Холмстеда молодой русский ученый Кленов:

— Учитель, это почти невероятно! Электрический ток без электрического сопротивления. Стоит только погрузить проводник в космический холод, остудить его до температуры жидкого гелия, как пропадает всякое электрическое сопротивление. Изумительно!

Кленов соскакивает со стула. В его руках катушка, на которую намотан проводник.

— Мистер Холмстед, я думаю, что энергию, заключенную в магнитном поле этой катушки, можно чрезвычайно увеличить, пропуская по ней громадный ток.

— По магнитной катушке не удастся пропустить огромный ток. Есть границы, мой друг.

— Нет границ! Мы заморозим катушку до абсолютного нуля и пропустим по ней громадный ток, и так как сопротивление исчезнет, ток сам собой будет сохраняться. Катушка уподобится чудовищному аккумулятору энергии...

Начинается лихорадочная работа. Нужно найти сплав, в котором могли бы возникнуть сверхмощные магнитные поля. Проблески надежды перемежаются с горькими разочарованиями. Наконец ужасный взрыв убивает Холмстеда и его дочь Мод — невесту Кленова.

В ужасе перед громадными разрушительными силами, разбуженными им, Кленов дает себе зарок — никогда более не возвращаться к начатым опытам.

Часть 2.

На экране надпись: «1940 год».

Строгие линии современного здания. Часть вывески: «...научно-исследовательский институт».

В обширной, заставленной сложными приборами, лаборатории работают мужчина и девушка.

Дверь открывается. Входит пожилой ученый.

Можно сразу узнать Кленова. Характерным жестом он потирает висок. Но как постарел, сгорбился!

— Профессор, милый, вы только посмотрите, — кричит Марина, подбегая к мраморному щитку.

Рубильник включен. Ослепительная молния проскакивает между шарами разрядника. Глухо спрашивает профессор:

— Откуда вы взяли этот мгновенный разряд энергии?

— Мы использовали энергию магнитного поля катушки, — отвечает Матросов.

— Сверхпроводника, — добавляет Марина.

— Какой сплав? — голос профессора еще глуше.

Матросов подает исписанный листок.

Смятение написано на лице Кленова. Шатаясь, выходит он из комнаты.

Перрон. Снег валит большими, пушистыми хлопьями. Группа молодых ученых провожает едущего за границу товарища.

Показывается Матросов. Он в шубе с поднятым воротником. Рядом с ним возбужденная и радостная Марина. Она одета в изящное и легкое платье. Нет и признаков теплой одежды. В руках — модная сумочка.

Товарищи набрасываются на нее:

— Ты простудишься! Что за эксперименты!

Марина отвечает, смеясь:

— Платье греет!

Показывает на провода, идущие от сумочки к платью, на тончайшую проволоку, которая вплетена в ткань одежды. В сумочке — аккумулятор из сверхпроводника, охлажденного до температуры абсолютного нуля.

— Теперь не нужны будут тысячекилометровые электрические сети и тепловые станции, — говорит Марина. — Будут работать только несколько гидростанций и ветроцентралей. Будут построены гелиостанции и станции, превращающие силу прибоа в электрическую энергию. Дешевой энергией будут заряжать аккумуляторы. Она войдет в быт.

На экране вывеска: «Розничный магазин Энергосбыта».

На полках расставлены цилиндры разных размеров. Таблички — «СССР — 1000 киловатт-часов», «СССР — 10000 квт-час.».

Изящная продавщица отпускает домохозяйке энергию в требуемом количестве.

— По стране заснут миллионы легких электромобилей.

На экране — дорога, по которой несутся обтекаемые электромобили без привычного места для мотора.

— Вместо самолетов в стратосферу устремятся электролеты.

На экране — электролеты стремительно взмывают в небо.

Электро-ледоплавы, расплавляя лед при помощи энергии из аккумуляторов, плывут к северному полюсу.

...Густая толпа, окружившая Марину и Матросова, заворуженно смотрит на них.

Часть 3.

Весь мир потрясен необычайным известием. Газеты полны сообщениями о появлении в сфере солнечной системы нового космического тела.

Одна из солиднейших иностранных газет пишет: «Космическое тело представляет собой по всей вероятности крохотную планетку: может быть это остаток ранее существовавшей и разбившейся на мельчайшие части кометы. Весьма вероятно, что планета кончит свое существование от удара о землю, будучи притянута ею. Результат этого удара и влияние его на землю и ее обитателей предвидеть трудно, но здесь обширное поле для самых страшных предположений».

Планетку называли «Аренидой». Каждый день приносит новые и новые данные. И с каждым часом вести все не утешительней.

Обсерватория в Гринвиче. Около телескопа очередь из деятелей промышленности и банкиров. Минута у телескопа расценивается в 1000 фунтов. На бирже котируется минута у телескопа!

В объективе — маленькая мерцающая звездочка. Это — Аренида, несущая ужас, гибель, смерть.

Банкир обращается к астроному:

— Сэр, если Аренида упадет на землю, уничтожит ли она ее целиком?

— Я думаю нет, сэр!

— Тогда нет ли способа регулировать ее падение, направив хотя бы на одну шестую нашей земли? Вы понимаете?

— Будем молиться, сэр! Молитва — единственное средство управлять небесными телами...

За границей в городах паника. Улицы запружены пешеходами. На папертях церквей вздымают руки к небу проповедники, предвещая конец мира и призывая спасти душу в последнюю минуту. Вырастает очередь за отпущением грехов. Дополнительная плата ускоряет отпущения.

Рестораны переполнены. Стараются сорвать как можно больше удовольствий. Дикие, бессмысленные оргии. Увеличивается преступность. В хаосе ловкие дельцы наживают себе деньги.

И только в Советском Союзе серьезно с научной точки зрения обсуждаются возможные перспективы.

В знакомой нам лаборатории дни и ночи напролет сидят Матросов и Марина. Их консультирует профессор Кленов. Все силы института брошены на создание аккумулятора, обладающего, благодаря использованию явления сверхпроводимости, колоссальной энергоемкостью.

Черное небо. На нем необычайно яркая звезда. Это — Аренида.

Астрономам удалось точно вычислить, когда Аренида упадет на землю. Гибель неизбежна, приговор произнесен.

Часть 4.

Около Днепрогэса строится какое-то титаническое сооружение. Люди работают с иступлением, чтобы как можно скорее закончить Аренидстрой.

До падения планетки осталось 22 дня. Грандиозные сооружения готовы. Распоряжением правительства остановлены все заводы и фабрики. Замерла производственная жизнь страны. Но электростанции работают на пределе.

На небе — две луны. Одна — багрового цвета. Она внушает всем ужас.

Аэродром около Аренидстроля. Один за другим приземляются самолеты. Из них выносят цилиндры, в которых аккумулирована электроэнергия.

Титаническое сооружение заряжается энергией, привезенной со всех концов Советского Союза. Вот на что работали в течение 19 дней советские электростанции.

До падения Арениды осталось три дня. Напряжение во всем мире достигло высшего предела.

Население Советского Союза сохраняет спокойствие. Оно предупреждено о необходимости покинуть здания.

Выстрел, который произошел в Советском Союзе был беззвучен, но толчок от него был похож на сильнейшее землетрясение. Расположенные вблизи Аренидстроля здания рушатся, как карточные домики.

Все население земного шара смотрит в небо. Зловещая Аренида увеличивается и багровеет.

Через пять часов 22 минуты 34,2 секунды с момента выстрела все видят, как громадный багровый диск Арениды покрывается мутной дымкой и распадается на сотни частей, загорающихся ярко-желтым цветом.

На экране — группа вождей СССР. Они смотрят вверх. Улыбается Сталин.

Еще через 8 часов население видит небывалый по своей красоте дождь из мириадов искр. Невероятно пышный фейерверк рассыпается по небу, как будто по солнцу кто-то ударил чудовищным молотком. Молнии, огненные гейзеры и фонтаны озаряют небо.

Это остатки Арениды сгорают в земной атмосфере...

А. Довженко

В ГЛУБИНАХ КОСМОСА

План сценария

В декабре 1954 года в Колонном зале Дома союзов на Втором Всесоюзном съезде советских писателей Александр Петрович Довженко выступил с речью.

Он говорил о межпланетных полетах. «Как известно из высказываний крупнейших ученых человечества, — сказал он, — в ближайшие сорок лет, то есть до двухтысячного года, человечество обследует всю твердь солнечной системы... При жизни доброй половины нас, а может быть 90 процентов, эта задача будет решена. Что же, как не кино, перенесет нас зримо в иные миры, на другие планеты? Что расширит наш духовный мир, наше познание до размеров поистине фантастических? Кинематография. Какие просторы раскрываются для творчества перед современным писателем кино! Сколько открытий ждет его в этой изумительной деятельности!»

Мы, слушавшие его выступление, не знали тогда, что Довженко сам работает над этой темой, что он захвачен и увлечен ею. А теперь уже видно, что он заглядывал вперед, и сегодня его фильм «В глубинах Космоса» касался бы тех вопросов, которые особенно волнуют нас с тех пор, как в космическое пространство были запущены первые советские спутники нашей планеты. Жаль, что Довженко не дожил до этих великих дней, о которых веками мечтали лучшие умы человечества. Он умер в конце 1956 года, так и не осуществив своего смелого замысла. В архиве его сохранились странички — краткое содержание сценария. Это беглый конспект, местами даже план, в котором очерчены только самые общие контуры будущей кинокартины. Она мыслилась Александру Петровичу как звуковая, цветная, широкоэкранный. Особую роль должны были играть в ней «немые» куски. Тут же — в первой заявке — отразились размышления Довженко, записаны его вопросы к самому себе, отмечено, о чем следовало бы еще почитать, что надлежит выяснить в дальнейших беседах с астрономами, астрофизиками, астроботаниками, какие теоретические проблемы придется уточнить для себя в процессе работы.

Возможно, что эта заявка вызовет споры: понятно. Ведь, опираясь на достижения научной мысли, талантливый ху-

дожник далеко заносится в мир поэтической мечты. Размышляя о судьбах человечества и Вселенной, он пытается заглянуть в будущее, представить себе еще не исследованное наукой. Но общий замысел неосуществленного фантастического киноповествования А. П. Довженко представляет настолько большой интерес и так отвечает нашим сегодняшним мыслям, что мы решили опубликовать эти странички. Это не просто документ из архива большого художника, это как бы завещание Довженко советским художникам: помнить о завтрашнем дне и быть всегда впереди.

Как знать — может быть, кто-нибудь из советских кинодраматургов воплотит эту тему, которая так занимала Александра Петровича Довженко в последние годы его жизни!

Ираклий Андроников

Движение сюжета в пространстве: Земля — Марс — возможно, еще одна планета — Земля.

Предполагается ошибка в расчетах при взлете. Поэтому летали восемь с лишним лет «вдогонку».

Экипаж космического корабля — три молодых советских инженера.

Один из них несчастлив в личной жизни: он и на Марсе не найдет себе забвения, ему и там будут сниться земные тревожные сны.

Разрабатывается подробно научная сторона полета, начиная с приготовления. Полет и старт. Разрабатывается величественная эпопея пребывания в Космосе.

Приблизились к Марсу. Временно превращаются в его спутника. Все ближе и ближе вокруг планеты. Разгадка каналов, морей, полюсов, растительности. Исключительное напряжение.

Посадка. Люди выходят из ракеты на новую планету.

Марс. Все главное, что можно сказать о нем и показать сегодня на цветном широком экране.

Признаки разумных существ. Где они? Какие? Может быть, они давно живут уже в самой планете, как в метро, на глубине 10-12 километров, изредка подымаясь на поверхность, как мы в стратосферу. Тогда нужно путешествие в «планету».

Каковы марсиане? Подобны карликам, подросткам или как мы? Чем отличны от нас?

Использовать в фильме земную хронику Великой Отечественной войны, великих битв,строек наших и китайских, великих собраний молодежи всего мира, разливов рек, гигантских атомных взрывов и катастроф в Японии (из фильмов).

Эти хроники можно использовать для контраста в тиши космического полета или как земную «визитную карточку» в виде демонстрации фильма марсианам.

Вспомнить Циолковского: рождение мальчика-сына и смерть сына. Восторг отца и скорбь его в Космосе. Музыка Шостаковича.

Сколько нам лет? Что мы знаем о себе? В общем, двадцать тысяч, а по сути семь-восемь тысяч. Марсиане, пред-

положим, свой счет ведут уже примерно полтора миллиона лет.

Все сделать так, чтобы фильм не получился трагедийным.

В фильме должны быть особые дикторские тексты и особые внутренние монологи и диалоги и, как ни в одном из доселе существующих фильмов, — тишина Космоса. Она сложная. Это может быть обычная тишина или музыкальная. Может быть тишина сна: спящие несутся в Космосе, и снятся им песни и сны Земли. Тишина созерцания и самосозерцания. Тишина свободы, тишина обреченности, тишина сожаления, отрешенности от мелкого, преходящего, тишина восторга, мышления и т. д.

В сюжете должна фигурировать земная астрономическая обсерватория и астрономия другой планеты.

При помощи дикторского текста и соответствующего краткого и выразительного показа — что же происходит на Земле? Что делала Мария? Она ждала восемь лет, глядя в небо каждую ночь. Она покрылась сединой и все же оставалась юной. Время, допустим, отступило перед силою ее надежды.

Все сделать, чтобы в сценарии не было символики, а была новая поэзия, новая героика и лиризм нового мировидения. Этот фильм — новая поэма о человеке второй половины XX века, о решении величайшей из сверхзадач человечества. В конце века человек, возможно, вылетит из замкнутой сферы солнечной системы.

Один из героев не возвратился на Землю. Он гибнет в другом мире или остается там навсегда по какой-то причине. Для кого-то торжество возвращения будет неполным. Кто-то будет смотреть в холодное темное небо без надежды уже на прилет, как и бывает и будет в жизни. Это должно придать фильму человечность.

Прочесть все, что можно, о темных спутниках звезд, то есть о планетах, которых, возможно, в нашей Галактике миллионы и наличие которых совсем по-другому рисует нам картину «народонаселения» Галактики.

Весь мир следит за полетом, все радиостанции мира, все радиолюбители, передовые ученые. Этому посвящаются астрономические конференции в Москве, Париже, Вашингтоне, в Риме. Они получают радиопередачи. Потом они узнают, что «Марса на месте не оказалось». Что происходит дальше? Как протекает время? Потом сигналы исчезли на семь с лишним лет, и все замолкло. Но вот снова отыскался их след, снова услышали их позывные, и снова взволновался весь земной наш мир.

Попытаемся сделать еще одну почти невозможную вещь, которая тем не менее имеет право на научное предположение: у них на ракетоплане особой конструкции съемочный телевизор. При помощи этого аппарата они передают на Землю все, что видят. Таким образом, люди на Земле видят Марс и марсиан. Здесь, на Земле, могут быть созданы удивительные сцены: созерцание, комментарии, обращение путешественников к людям Земли и к своим близким: «Я знаю, вы только видите меня и мою артикуляцию, потому что я обращаюсь к вам с другой планеты на нашем родном языке. Но я никогда не забуду ни своих мыслей, ни потрясений, ни восторгов, и, когда я возвращусь, я повторю все, все точно, ибо этого нельзя забывать...».

По телевизору передается только изображение, ни одного звука не долетает. Но профессор Соколянский читает немую артикуляцию точно.

А какова скорость человеческой мысли? Беспредельна ли она или тоже преодолевает пространство во времени?

Разумные существа, допустим, где-то, если позволить себе эту вольность, не пользуются обычной речью. Они уже миллионы лет читают мысли друг друга. Тогда вся межпланетная, или, точнее, инопланетная, часть фильма будет немая. Все будут комментировать диктор или дикторы.

Кто они, эти разумные существа? Если их вообще там нет — это пессимистично. Если они выше нас — тысячи вопросов. Если ниже — интересно ли это? Иные? Какие иные? Такие же, как мы, — тоже надо подумать.

О каналах? Да, бесконечными лентами тянутся каналы — синие насаждения, но нет ни гор, ни пропастей. Нет на-

ших рек, привольных, молодых, и нет наших морей. Везде, куда ни глянет глаз, — невероятный цвет, голубовато-синий или темно-оранжевый. Это совершенно другой, холодный, неуютный мир.

Надо ли показывать, как марсиане, если они живут на поверхности, как они, заметив корабль в своем странном небе, волнуются? Спешат ли они к месту старта? Или же ракетоплан садится в мертвой пустыне, и марсиане покажутся нашим путникам так же недостижимыми, как глубоководные рыбы в наших океанах? Может ли это быть?

Как решать в фильме проблему дыхания, тепла? Ведь, по нашим данным, на поверхности Марса примерно то же сегодня, что у нас на Земле на высоте 15 километров.

Если допустить самое увлекательное, что наши герои фиксируют все свое окружение и люди на Земле все это видят, — какой создается простор для мыслей! Какими жалкими и уродливыми знаками отсталости покажутся тогда еще раз колониальная политика земных империалистов, всевозможные виды и запахи разных национализмов, войн, блокад! Как раздвинется человеческий мир, все вырастет на тысячу голов, все сознание подыметесь на сверкающую высоту!

Может быть, все, что покажут телевизоры, неправда? Не есть ли это всеобщее безумие? Всеобщий мировой гипноз? Допустим, где-то дипломаты постановят выключить все телевизоры Земли! На полгода! Выключили... Все в порядке. Все снова стало на место.

Проходит полгода. Снова включили. И снова на всех телевизорах одно и то же — немые изображения нового мира, новых существ и наших героев среди них,

Будут показаны как участники фильма выдающиеся люди современности. Таким образом будет подчеркнута волнующая достоверность этого фантастического фильма.

Еще неизвестно, будут ли названные люди говорить что-либо по поводу необычайного зрелища в телевизоре, или мы покажем их на Всемирном конгрессе мира, или проиграем марсианам Десятую трагическую симфонию Шостаковича.

Возникнет тогда в новом качестве величайший из вопросов: что такое наша жизнь и смерть, или, правильнее, что такое бытие? Не постучится ли в каждое сознание тогда вселенское гармоническое нескончаемое единство?

И станет еще известно по ходу фильма: разумные существа поднялись культурно неизмеримо выше нас, жителей Земли, только на тех планетах, где они все пришли к коммунизму. Там же, где по тем или иным причинам это не удалось, они выродились и, опустошив свои планеты в битвах, погибли. Их погубили деспоты и глупцы.

Обратный полет на Землю. Земля с Марса. Приближение. Старт.

Откуда они возвратились? Из сказки? Возвратились из других миров туда, где они родились, где им надлежит умереть. Поэтому они стали на Земле на колени, потом легли и поцеловали ее, заплакав от счастья.

Для чего все это? Что это за фантазия? Какой в ней смысл? Можно утверждать, что это нужно для развития человечества. Это новая его творческая сверхзадача, новая поэма о вечном огне Прометея.

Эту поэму можем создать только мы, люди рождающегося коммунистического общества, и никогда — наши голливудские антиподы.

Американцы сделали уже ряд картин на космическом материале. Эти картины, переполненные сценами межпланетных войн, по сути говоря, продолжают гангстерский жанр в межпланетном масштабе. Наши враги сеют таким образом в сознании народов космический пессимизм. Несомненно, это устраивает церковь. Это американский путь к богу.

Таким образом, создание научно-фантастического фильма «В глубинах Космоса» явится великолепным ответом голливудским мракобесам. Это будет фильм разумный и радостный, прославляющий человеческий гений, а не гнетущий, не подавляющий сознание людей.

Полный увлекательнейшей зрелищности, вмещающий в себе огромные пространства, и время, и движение в про-

странство, то есть новое ощущение мира, он будет одинаково интересен и академикам и детям.

Москва, 14/VI 1954

В. Морозов, Н. Эрдман

ПОЛЕТ НА ЛУНУ

В. Морозов и Н. Эрдман

ПОЛЕТ на ЛУНУ

Темный парк. За деревьями виден белый купол обсерватории.

Лунный свет проникает через раскрытую крышу обсерватории в круглый зал, ложится на каменный пол. У телескопа работает ученый.

Входит старик сторож.

— Иван Иванович, тут к вам относительно Луны добиваются, — говорит он старческим скрипучим голосом, обращаясь к ученому.

— Относительно чего? — переспрашивает ученый, отрываясь от телескопа.

— Луны.

— Кто добивается?

— Председатель Международного общества межпланетных сообщений имени Циолковского, — торжественно сообщает сторож.

— Придется принять. Попросите его, Павел Елисеевич, — говорит ученый. Когда сторож уходит, он поправляет на себе черную шапочку и выжидательно смотрит на дверь.

Дверь открывается, и в зал входит худенький мальчик в пионерском галстуке.

— Простите, это вы академик Бобров?

— Нет, это уж вы меня простите, молодой человек, — говорит ученый, выставив вперед руки с растопыренными пальцами и как бы загораживая ими себя от посетителя. — Не могу сейчас с вами разговаривать. Занят, занят, занят.

— Мне две минутки, товарищ Бобров.

— Ни одной. Занят. Мне предстоит сейчас очень важное свидание, молодой человек. С председателем Международного общества межпланетных сообщений.

— Имени Циолковского? — спрашивает мальчик.

— Да.

— Так это я, — обрадованно говорит мальчик.

— Вы? — удивляется ученый.

— Да.

— Председатель?

— Да.

— Международного общества?

— Да.

— А кто же вас выбрал? — не перестает удивляться ученый.

— Все Международное общество.

— А сколько же членов в вашем обществе?

— Три человека.

— Три? Так откуда же оно международное?

— Как откуда? Вот я, например, русский — Коля Хомяков, — и Коля Хомяков расшаркивается перед академиком. — Петя Терещенко — украинец, а Сэнди Робинсон — негр. То есть он не совсем негр. У него папа негр, а мама русская. Но я считаю, что это получается еще международнее. А вы как считаете?

— Пожалуй, — говорит профессор, несколько ошарашенный такой логикой. — А когда же, собственно, организовалось ваше общество?

— Уже целых четыре дня. Мы организовались как раз на другой день после вылета ракеты Р-1 на Луну.

— Ну, теперь я все понимаю, — облегченно вздыхает академик. — Вы интересуетесь этим полетом. Оно и не удивительно — им интересуется весь мир.

— А мы больше всех, — с горячностью утверждает Коля Хомяков.

— Почему же больше всех? — улыбается академик.

— Потому что мы живем на одной улице с Наташей Гнатюк.

— Дочерью профессора? Вы ее знаете?

— Я его знаю.

— Так вот, профессор Гнатюк вылетел на Луну, и Наташа очень волнуется, — скороговоркой объясняет Коля. — И мы организовали Международное общество, чтобы ее утешить. У нас тоже есть вот такая труба, как у вас, — показывает Коля на телескоп, — только немного меньше.

— А где же помещается ваше общество?

— На чердаке.

— На чердаке? Почему же на чердаке?

— Ну все-таки ближе к Луне.

— А что у вас есть, кроме трубы?

— Вот такая же шапочка, — показывает Коля на круглую черную шапочку, покрывающую седую голову старого академика, — но только одна на все общество. И радио. И мы все время ловим сигналы с Луны.

— И поймали что-нибудь?

— О да. Очень много интересного, но с самой Луны пока еще нет.

— А что же вы поймали?

— Четвертую симфонию Чайковского и очень хороший эстрадный концерт, а Наташа все время спрашивает: «Что с папой, что с папой?» И вот я решил прийти к вам.

— Так вот, молодой человек, — говорит академик, — можете передать дочери профессора Гнатюка, что час назад я получил последние сведения о полете ракеты. С радостью могу сообщить, что полет проходит вполне успешно, так что Наташа может совершенно не волноваться за своего отца, и...

Резкий звонок прерывает академика.

Светлеет большой экран телевизора: на нем появляется изображение человека.

— Алло! Астроном Бобров?

— Да, — отвечает академик.

— Получены радиосигналы с Луны. Ракета Р-1 потеряла управление.

В сильном волнении академик Бобров дрожащей рукой

снимает с головы черную шапочку и проводит ладонью по седым волосам.

Коля Хомяков с открытым ртом застывает на месте. Но вот Бобров овладевает собой и говорит твердым, решительным голосом:

— Сообщите об этом в Академию. Срочно! В полночь вылет второй ракеты!

На чердаке многоэтажного дома возле слухового окна стоит самодельная тренога, на которую водружена небольшая подзорная труба. Толстощекий мальчик в черной шапочке на стриженной голове, зажмурив один глаз и прижав другой к самой трубе, старательно смотрит в темное, вечернее небо.

Другой мальчик с очень смуглым лицом и курчавыми волосами возится у старенького радиоприемника, из которого вырываются оглушительные выстрелы, шумы и завывания.

— Ну как у тебя? — спрашивает мальчик, стоящий у трубы.

— Все так же, — не очень весело отвечает курчавый мальчик. — А у тебя как?

— Тоже все так же. Труба очень маленькая, даже Большую Медведицу и то плохо видно.

— Это пока плохо, Петя, а потом она будет вдвое ярче.

— Откуда ты знаешь?

— Из книжки.

— А я про это еще не читал.

— Могу прочесть, — и курчавый мальчик берет в руки книжку, лежащую тут же, рядом с радиоприемником. — Сейчас, — говорит он, быстро листая книжку. — Нашел. Слушай. «Пройдет, — громко читает он, водя пальцем по строчкам, — двести тридцать пять тысячелетий, и основные пять звезд Большой Медведицы станут вдвое ярче».

— Вот это дело другого рода, — с полным удовлетворением восклицает Петя, — тогда и в эту трубу будет хорошо видно.

— Петь, — говорит курчавый после особенно сильного треска в радиоприемнике.

— Что?

— Теперь, давай, ты полови сигналы, а я посмотрю немножечко.

— Смотри, — охотно соглашается Петя и направляется к радиоприемнику.

— А шапочку?

— Ах да, — спохватывается Петя и, сняв с головы черную шапочку, передает ее приятелю. Тот старательно надевает ее и садится перед трубой.

— Вот Юпитер, — говорит он, передвигая трубу, — вот Альдебаран, вот Церера, а вот Мурзилка.

— Где, где Мурзилка? — срывается со своего места Петя.

— Вон между трубой и антенной.

Петя стаскивает с приятеля шапочку и, надев ее на себя, припадает к трубе.

— Нет, не могу поймать, — говорит Петя, двигая трубой.

— Давай я тебе направлю, — и, в свою очередь, сняв с Пети шапочку и надев ее на себя, курчавый мальчик смотрит в трубу. — Попробуй теперь, — и, вернув шапочку, курчавый уступает место Пете.

— И опять ничего не вижу, — огорчается Петя.

— погоди. Ты созвездие Цефея можешь найти?

— Это которое нам Коля показывал?

— Да.

— Могу. Вот оно.

— Самую красную звездочку в этом созвездии можешь найти?

— Вот она, — говорит Петя.

— Как она называется?

— Гранатовая.

— Правильно. Так вот немножко пониже Гранатовой и будет Мурзилка.

Петя слегка наклоняет трубу.

— Вижу, вижу, — кричит он в полном восторге.

В подозрную трубу виден кусок крыши, на которой в воинственной позе стоит черный кот. Мгновение, и перед ним возникает другой. Рыжий. Он настроен так же воинственно, как и черный.

— Другой, — шепчет Петя. — Дерутся.

Драка котов на крыше. Рыжий кот не выдерживает и удирает.

— На сороковой секунде первого раунда победил чемпион крыши Мурзилка, — подражая судьё на матче бокса, объявляет Петя. — Ты что нахмурился? — обращается он к помрачневшему Сэнди.

— Стыдно, — говорит Сэнди, — Мурзилка, Мурзилка, а про Луну совсем и забыли.

— Ой, сейчас, — спохватывается Петя и начинает быстро передвигать трубу. — Вот ведь несчастье какое, — говорит он с досадой.

— А что?

— Вечная история. Опять на шпиль села ворона и половину Луны загородила.

— А вдруг именно сейчас на нее ракета и сядет, — волнуется Сэнди.

— Знаешь, Сэнди, — решает признаться Петя, — по-моему, в эту трубу мы все равно ничего не увидим.

— Ну, может быть, хоть немножечко, хоть капельку, хоть мелькнет, — мечтает Сэнди.

— А как ты думаешь, долетит она?

— Наташин папа обязательно долетит, — с твердой уверенностью говорит Сэнди.

Скрипнула дверь, и на чердак вбежал Коля Хомяков. Он в изнеможении садится на балку перекрытия и, тяжело

дыша, произносит безнадежным голосом: «Несчастье, товарищи!»

— Что?

— Что случилось?

— Ракета Р-1 потеряла управление.

— Значит, она упадет, — вскрикивает Петя.

— И Наташин папа, — вторит ему Сэнди.

— Ракета уже на Луне, — рассказывает Коля, — но откуда она никогда не вернется, если ее не спасут.

— А ее будут спасать?

— Конечно.

— Бедная Наташа, — опускает голову Сэнди. — Если она...

— Ей об этом ни слова, — перебивает его Коля. — Тсс!..

Все прислушиваются. За дверью раздается какой-то шум.

— Наташа, — шепотом говорит Коля. — Нужно сделать так, чтобы она ни о чем не подозревала. Улыбайтесь, товарищи, улыбайтесь, а то она догадается.

Все стараются изобразить на своих лицах улыбки и смотрят на не совсем притворенную дверь.

Дверь тихо скрипнула, приоткрылась еще немного, и в образовавшуюся щель медленно вошел черный кот с выдранной на боках шерстью.

— Мурзилка, — сказали все со вздохом облегчения.

Слышен бой кремлевских курантов.

— Девять, — считает Коля. — Как раз ее время. А ну-ка, Петя, взгляни, не идет, ли она уже.

Петя подходит к трубе и, нагнув ее, смотрит вниз. В трубу виден кусок улицы.

Некоторое время все сидят молча.

— Идет, — шепотом сообщает Петя.

— Ну, ребята, — строго предостерегает своих приятелей Коля, — если вы проговоритесь и она узнает...

— Она уже знает, — неожиданно говорит Петя.

— Откуда ты взял? — подбегает к нему Сэнди.

— Вот посмотри сам. — Безнадежно махнув рукой, Петя отходит от трубы и передает Сэнди шапочку.

Сэнди смотрит в трубу.

В трубу видна движущаяся темная фигурка маленькой девочки.

— Верно. Наташа. Но почему ты думаешь, что она знает? — спрашивает Сэнди.

— А ты погоди. Посмотри, когда она до фонаря дойдет, — говорит Петя.

Сэнди смотрит и через минуту сокрушенно подтверждает:

— Да... Знает.

— Что вы там выдумываете? — подходит к ним Коля. — Дайте-ка мне посмотреть.

— Вот, возьми, — протягивает ему шапочку Сэнди.

— Ах, не до шапочки мне сейчас, — отмахивается Коля и подсаживается к трубе.

— Смотри.

По улице медленно идет Наташа. Проходит мимо фонаря.

Фонарь ярко освещает лицо девочки, и Коля видит, как по ее щекам, загораясь, как звездочки, катятся крупные слезы.

— Бежим к ней навстречу, — говорит Коля и первый бросается к двери.

По улице идет девочка. По щекам ее катятся крупные слезы. Впереди ее на поводке идет маленькая собачка.

— Наташа! — подбегает к ней Коля. — Сегодня в двенадцать часов на Луну вылетает вторая ракета. Твоего папу спасут. Не плачь.

— Это правда? — недоверчиво спрашивает Наташа.

— Правда, правда, — хором подтверждают Петя и Сэнди.

— Ему сам академик Бобров сказал, который полетит, — с гордостью заявляет Петя.

— Ах, если бы он меня взял с собой! — мечтательно произносит девочка.

— Ну что ты, Наташа. Ты лучше пошли с ним письмо, — советует Коля.

— Или посылочку, — в свою очередь советует Сэнди.

— Только маленькую, — добавляет Коля.
— А что же ему послать? — спрашивает Наташа.
— А что он больше всего любит.
— Меня, — улыбаясь, говорит девочка.
— Ты большая, — улыбается ей в ответ Коля, — а посылочку нужно маленькую.

— Тогда Тобика.

— Собаку? — пугается Коля.

— Она как раз маленькая. И потом папа ее ужасно любит. Представляете, какая для него будет радость, — увлеченно убеждает Наташа.

— Боюсь, что товарищ Бобров откажется.

— Почему?

— Ну, все-таки он астроном, академик, ученый и вдруг — Тобик.

— А Тобик тоже ученый — он математик.

— Как это математик? — спрашивает Петя.

— Тобик, — обращается к собаке Наташа.

Тобик поднимает мордочку и выжидательно смотрит на нее.

— Сколько будет дважды два?

Тобик звонко лает четыре раза.

— Здорово! — восторгается Сэнди. — А трижды три?

— Трижды три он еще не выучил. Коля, миленький, — Наташа просительно складывает руки, — пошлем папе Тобика. Ты сам подумай, каково ему одному на Луне.

— А как же мы его понесем — нас с собакой и не пропустят.

— А я вам ящик дам. Тобик, проси, проси.

Тобик встает на задние лапки и, сложив передние, прыгает вокруг Коли. Наташа, подражая ему, делает то же самое.

— Ну ладно, давай ящик, — махнув рукой, соглашается Коля.

Просторный вестибюль обсерватории. Ковры, мягкие кресла и диваны. В глубине — широкая мраморная лестница. Она отлого поднимается до первой площадки и потом полу-

кругом расходится в разные стороны. Направо от лестницы — вешалка. На вешалке несколько пальто. Наверху — шляпы, внизу — калоши. Рядом с вешалкой, в кресле, около столика с телефоном, сидит Павел Елисеевич и, водрузив на нос очки, читает газету.

Входная дверь открывается, и в вестибюль, поддерживая с трех сторон ящик, входят Коля, Сэнди и Петя.

— Вы куда, молодые люди? — приподнимается с кресла Павел Елисеевич.

— Здравствуйте, — хором говорят мальчики и опускают на пол ящик.

— Здравствуйте.

— Нам, дедушка, вот эту посылочку нужно отправить, — выступает вперед Коля.

— Посылочку? Это не по нашему ведомству. Это вам на почту нужно, молодые люди.

— Нам, дедушка, на Луну ее нужно отправить, — объясняет Сэнди.

— На Луну? Луна — это по нашему ведомству. А у вас кто же на Луне, родственники? — интересуется Павел Елисеевич.

— Папа одной девочки, — говорит Петя.

— Так что вы уж пропустите нас к товарищу Боброву, — просит Коля.

— Не могу, не велено никого принимать. Совещание. — И Павел Елисеевич многозначительно поднимает указательный палец вверх.

— А может быть, он меня все-таки примет. Я у него, дедушка, был сегодня.

— Стой, стой, стой, — сторож вглядывается в Колино лицо. — Был, действительно был. Еще у тебя звание такое, что натошак не выговоришь, — председатель Международного общества межпланетных сообщений имени Циолковского.

— Сокращенно Момс, — любезно сообщает Коля.

— Момс — это удобнее. Ну, что же мне, Момс, с вами делать? Садитесь, ждите, — показывает он на диван, — а как товарищ Бобров появится, можете к нему подойти.

— А вдруг он сюда не придет? — высказывает сомнения Сэнди.

— Как же не придет, раз его калоши здесь. Что же он, на Луну без калош полетит, что ли? — пожимает плечами Павел Елисеевич.

Мальчики усаживаются на диван и, боясь пропустить академика Боброва, не отрываясь, смотрят на его калоши. Но не проходит и минуты, как Коля Хомяков закрывает глаза и, отвалившись на мягкую спинку дивана, засыпает.

— Спит, — шепотом сообщает Петя Сэнди.

— Пусть, — так же шепотом отвечает Сэнди. — Скажите, дедушка, — обращается он к сторожу, — как, по-вашему, спасут их? — и Сэнди показывает на виднеющуюся в окне Луну.

— А как же, — уверенно говорит сторож. — Обязательно, это уж у нас как дважды два.

— Гав! Гав! Гав! Гав! — громко и отчетливо пролаял Тобик в ящике, услышав произнесенное сторожем «дважды два».

От неожиданности Павел Елисеевич, как в столбняке, на несколько мгновений застывает на месте, потом стремительно подбегает к ящику и открывает крышку. Тобик с рычанием выпрыгивает из ящика и бросается в сторону.

— Держи! Лови! — и Павел Елисеевич, схватив метлу, устремляется за собакой.

— Тобик! Тобик! — кричат вскочившие со своих мест мальчики.

Но Тобик, перепуганный этими криками, увертывается от преследователей и бежит вверх по лестнице.

Сторож, Петя и Сэнди бегут за ним.

Лай и крики раздаются все выше и выше.

Сладко посапывая, привалившись к спинке дивана, спит Коля Хомяков.

Лай доносится с самого верха. Внезапно раздается какой-то треск, и вниз летят, переворачиваясь в воздухе, конец сломанной метлы и большая китайская ваза. Ударившись об пол, ваза с грохотом разлетается на мелкие кусочки.

Коля Хомяков открывает глаза и недоуменно осматривается. Взглянув наверх, он видит, как по гладким мраморным перилам с головокружительной быстротой спускается вниз Сэнди.

— Что случилось?

— Все пропало! — задыхаясь, говорит Сэнди. — Дедушка хотел попасть метлой по Тобику, а попал по китайской вазе.

— А где же Тобик? — в тревоге спрашивает Коля.

— Боюсь, что он уже на совещании, если Петя его не перехватил.

Услышав эти слова, Коля в ужасе схватился за голову.

— Дедушка говорит, что он этого так не оставит, — с опаской поглядывая на лестницу, сообщает Сэнди.

— Тсс... — испуганно прижимает он палец к губам.

Мальчики слышат, как кто-то торопливо сбегает вниз.

— Это он! Прячься, прячься скорей! — шепчет Сэнди, и оба мальчика в полнейшей панике начинают метаться по вестибюлю.

Шаги все ближе и ближе.

Раздумывать уже поздно. Коля быстро взлезает в ящик, в котором был принесен Тобик, и захлопывает над собой крышку, а Сэнди прячется за длинным черным пальто, висющим на вешалке.

Со сломанной палкой от метлы в руках врывается в вестибюль Павел Елисеевич. Подбежав к телефону, он гневно хватая трубку и торопливо набирает короткий служебный номер.

— Охрана? — кричит он в трубку. — Немедленно вышлите одного вахтера с ружьем. Необходимо переловить трех Момсов и одну собаку... Что вы говорите? Откуда вы взяли, что получается четыре собаки? Да не мопсов, а Момсов. Три Момса и одна собака. Скорей! — и, бросив трубку, он снова устремляется к лестнице и бежит наверх.

Тихо приподнимается крышка ящика, и из него показывается голова Коли.

Высунув голову из-за пальто, на Колю смотрит Сэнди.

Совсем близко раздаются чьи-то голоса.

— Охрана, — говорит Коля.

— С ружьем, — сообщает Сэнди, и обе головы исчезают.

В вестибюль из боковой двери входят три человека: один — в пиджаке, двое других — в рабочих комбинезонах.

— Опять непорядок, — раздраженно говорит человек в пиджаке. — Я же русским языком говорил — весь груз отправлять к восточному павильону. И вот, здрасьте пожалуйста, — он с возмущением показывает рукой на ящик.

— А ну-ка берись, товарищи, — обращается он к рабочим, и те, подняв ящик, направляются к выходной двери.

— И проверьте все крышки, товарищи, чтобы все было в порядке. Эх, работнички! — говорит он им вдогонку и уходит.

Вынырнув из-под пальто, Сэнди на цыпочках подбегает к выходной двери и видит сквозь стекло, как двое рабочих все дальше и дальше уносят ящик и, наконец, пропадают в темноте.

Он открывает дверь, но громкий собачий лай, крики: «Держи! Лови!» — заставляют его остановиться на пороге.

Несколько человек во главе с Павлом Елисеевичем бегут вниз по лестнице. Впереди преследователей, обогнав их почти на два марша, несутся Тобик и Петя.

Сэнди еще шире раскрывает дверь, и Петя с Тобиком, в мгновение промчавшись по вестибюлю, выбегают наружу из помещения.

Сэнди, Петя и Тобик мчатся по аллее. Сворачивают направо, затем налево и, наконец, выбившись из сил, прячутся в кустах.

— А где же Коля? — спрашивает Петя.

— В ящике.

— А где же ящик?

Сэнди безнадежно разводит руками.

На аллее появляется женщина.

— Тетенька, — останавливает ее Сэнди, — вы не знаете, где у вас тут восточный павильон?

— Вон, видишь крышу, это он и есть, — показывает женщина.

Мальчики и Тобик направляются к павильону.

Около павильона, положенные один на другой, по четыре в ряд стоят тринадцать одинаковых ящиков (тринадцатый поставлен на самый верх), с надписью: «Р-2», ничем не отличающихся от того ящика, в котором должен находиться Коля Хомяков.

— Какой же из них наш? — растерявшись, спрашивает Петя.

— Коля, Коля, — тихо зовет Сэнди.

— А может быть, здесь нашего-то ящика и вовсе нет, — говорит Петя.

Но тут Тобик, бегавший около ящиков, останавливается перед одним из них и, скуля и подвывая, начинает царапать его лапами.

— Коля! Коля! — подбегают к этому ящику мальчики и, присев перед ним на корточки, стучат в стенку.

— А? Что? — слышится Колин голос.

— Ты что, заснул, что ли?

— Кажется. Открывайте скорей крышку, — торопит Коля.

Но открыть крышку оказалось довольно трудно — на ящике, в котором находился Коля, стояли еще четыре. Чтобы их снять, нужно достать до верхнего, но ни Сэнди, ни Пете до него не дотянуться.

— Вставай мне на плечи, — предлагает Петя.

Сэнди взбирается на Петины плечи и хватается за верхний ящик.

— Вы что тут делаете? — раздается грозный голос, и к павильону приближается фигура человека с ружьем.

— Вахтер! — с ужасом говорит Сэнди и кубарем катится вниз.

Пригибаясь, мальчики бегут за павильон и прячутся.

Громко сигналя, по асфальтированной дорожке, ведущей к павильону, подъезжают два автокара и останавливаются возле ящиков.

Несколько человек быстро нагружают ящики на тележки.

Автокары трогаются.

Прячась за кустами акаций, окаймляющих асфальтированную дорожку, бегут за автокарами Петя и Сэнди.

— Стой! — говорит один из водителей.

— В чем дело? — спрашивает второй.

— Нам говорили — двенадцать ящиков, а здесь тринадцать. Как бы ошибки не получилось.

— И верно — тринадцать, — подтверждает второй. — Пойди узнай у Петра Сергеевича.

Один из водителей уходит, а другой садится и начинает напевать какую-то песенку.

Петя и Сэнди вылезают из кустов и осторожно подкрадываются к задней тележке.

— Куда они его положили? — шепотом спрашивает Сэнди.

— Не знаю, — так же тихо отвечает Петя.

— Тобик, Тобик, ищи! — умоляюще обращаются они к собаке.

Тобик старательно обнюхивает ящики. Возле одного из них он останавливается и, скуля, царапает его лапами.

— Тсс, — шипят на него мальчики и, взяв с противоположных концов ящик, осторожно снимают его с тележки и тихо относят в кусты.

Мимо кустов проходят водитель и тот самый человек в пиджаке, которого Сэнди видел в вестибюле.

— Да тринадцать, Петр Сергеевич, что я маленький, что ли? Вот считайте сами, — слышат мальчики голос водителя.

— Ну где же тринадцать? Двенадцать! — говорит человек в пиджаке.

— И верно — двенадцать.

— Эх, работнички...

Раздаются звонки, автокары трогаются.

— Открывай крышку, — командует Сэнди.

— Кто-то ее прибил, — сообщает Петя после тщетных попыток открыть ящик.

— Это рабочее, — объясняет Сэнди. — Надо железкой какой-нибудь. Коля, подожди, мы сейчас, — шепчет он, наклонившись к самому ящику, и мальчики отправляются на поиски.

Возле ящика остается один Тобик и, скуля и подвывая, нетерпеливо скребет его лапами.

Петя и Сэнди, внимательно глядя себе под ноги, бегут по дорожке.

— Хоть бы палку какую-нибудь.

— Или гвоздь.

— Хоть бы...

Но тут они замолкают и, расширив от удивления глаза, останавливаются.

В глубоком котловане, похожем на стадион, они увидели огромную толпу людей. Из общего шума доносятся неясные слова команды. Лучи прожекторов то скользят по людским головам, то вдруг устремляются вверх, выхватывая из темноты стальную эстакаду, на которой лежит сигарообразная межпланетная ракета. Из ее иллюминаторов струится желтый свет. На борту ракеты можно различить надпись: «Р-2» и крупную пятиконечную звезду.

— Внимание! — раздается из репродуктора. — Объявляем имена аэронавтов. На борту ракеты начальник экспедиции академик Иван Иванович Бобров. Его помощник и радист доктор математических наук Софья Андреевна Петрова. Задача аэронавтов — разыскать потерявшуюся ракету. Это второй случай, когда на Луну полетят люди, отважные советские ученые!

— Они спасут Наташиного папу, вот увидишь, спасут, — восторженно восклицает Петя.

— Спасут, — уверенно подтверждает Сэнди. .

— Внимание! — разносится над стадионом голос из репродуктора. — Объявляем старт! Просьба к провожающим — отойти за барьер!

Толпа заколебалась и отхлынула.

— Приготовиться! — раздается команда.

— Старт!

Внезапно все вокруг заливается ярким светом.

Из хвоста ракеты вырывается длинный столб огня и дыма.

Как бы нехотя вначале, а затем стремительно набирая скорость, ракета скользит по эстакаде и прыгает в черное не-

бо. Ее пытаются настичь лучи прожекторов, но освещают лишь облака и медленно расходящиеся клубы дыма.

На секунду озарив крыши высотных зданий, ракета молнией проносится над ночным городом и исчезает в звездных пространствах.

— Ужас как интересно, — вздыхает Петя.

— А Коля лежит в ящике и ничего не видит, — грустно говорит Сэнди.

Темная кабина ракеты сотрясается от бешеного рева и свиста воздуха. В больших иллюминаторах тают последние земные огни.

Спокойный голос Боброва:

— Софья Андреевна! Курс?

— Точен!

— Увеличиваю скорость!

За штурвалом — неподвижная фигура пилота. Перед ним — светлая шкала. Дрожащая стрелка движется по кругу: 5 км. в сек.; 6 км. в сек.; 8 км. в сек.

— Свяжитесь с Землей. Сообщите. Набираю скорость одиннадцать километров в секунду. Преодолеваем притяжение Земли и вырываемся в мировое пространство!

У радиопульта высокая женщина в наушниках. В руке трубка микрофона:

— Алло!.. Алло!.. Говорит Р-2! Даю первые данные...

В кустах у ящика сидит Тобик и жалобно скулит, тычась в него мордочкой.

К кустам подбегают запыхавшиеся Петя и Сэнди.

— Сейчас, Коля, сейчас, — бросаются они к ящику.

— Если бы ты только знал, что мы сейчас видели! — захлебываясь от восторга, говорит Петя, засовывая железную палку между крышкой и стенкой ящика.

Оба мальчика изо всех сил налегают на нее. Раздается треск, и крышка отлетает вверх.

Вместо Коли в ящике лежат какие-то узкие, продолговатые предметы, аккуратно завернутые в бумагу.

Оторопевшие мальчики несколько секунд стоят с открытыми ртами, будучи не в состоянии вымолвить ни слова.

— Значит, это другой ящик, — обретя наконец дар речи, в ужасе говорит Петя.

— А почему же ты на него показывал? — с горькой обидой обращается Сэнди к Тобику.

Сэнди берет из ящика завернутый в бумагу узкий предмет и разворачивает его.

В бумаге оказывается колбаса.

Сделав отчаянный прыжок, Тобик выхватывает колбасу у Сэнди и с жадностью начинает ее уплетать.

— Все понятно, — вздыхает Сэнди.

— А где же Коля? — спрашивает Петя и не получает ответа.

Мчится во тьме ракета.

Кабина. Стены кабины обиты толстой драпировкой. В углу, между приборами, сидит женщина в кожаном комбинезоне.

В другом углу, в кресле, сидит академик Бобров и с напряженным видом к чему-то прислушивается. Хмурится, снимает с головы черную шапочку и проводит рукой по волосам.

— Вас что-то тревожит, Иван Иванович? — спрашивает женщина.

— Тревожит? Почему вы это решили?

— Я вас знаю давно, Иван Иванович. Если вы снимаете шапочку и вот так проводите по волосам, значит вас что-то тревожит.

— Гм, — хмыкает академик. — Хорошо-с. Прекрасно. Да. Тревожит. Мне не нравится посторонний шум в моторе.

— Посторонний шум?

— Вот прислушайтесь. Я его уже давно слышу.

Действительно, помимо равномерного жужжания моторов, в кабине слышен еще какой-то шум, сильно напоминающий храп.

— Странно, — обеспокоенно говорит женщина. Она встает со своего места и, не переставая прислушиваться, идет вдоль кабины. В хвосте кабины лежат ящики. Женщина останавливается возле них, потом наклоняется над одним из ящиков. Прикладывает к стенке ухо. С опаской приподнимает крышку.

— Иван Иванович! — вскрикивает она в испуге.

В ящике, блаженно похрапывая, спит Коля.

— Невероятно, — разводит руками академик. — Молодой человек, — кладет он руку на Колино плечо.

— А? Что? — просыпается Коля. — Товарищ Бобров, — узнает он академика. — Пожалуйста, простите меня, что я заснул, но у меня к вам просьба.

— Какая просьба?

— Когда вы полетите на Луну?..

— Что значит полетите, когда я уже лечу! — сердится Иван Иванович.

— Как летите?

Коля поворачивает голову. За толстыми свинцовыми стеклами иллюминаторов медленно проплывает звездное небо.

— Товарищ Бобров! — выскочив из ящика, Коля бросается к академику. — Товарищ Бобров! — кричит он умоляющим голосом. — Поверните обратно, или я погиб — у меня сегодня контрольная по математике.

— Очень сожалею, молодой человек, — говорит Иван Иванович, — но раньше чем через двенадцать дней вы на Землю не попадете.

Коля бросается к иллюминатору и прижимается лицом к стеклу.

— Скажите, — чуть слышно шепчет Коля и нерешительно показывает пальцем, — это она?

— Если вы имеете в виду Землю, молодой человек, то это действительно она.

— Какая маленькая, — дрогнувшим голосом произносит Коля.

— Сорок тысяч километров в окружности и тринадцать тысяч в поперечнике. Не такая уж маленькая, молодой человек.

— Нет. Я говорю, сейчас маленькая.

— И сейчас она точно такая же. Сорок и тринадцать.

— Я говорю, что в данный момент кажется... — Вот это дело другого рода, так и говорите «кажется»... Наука любит точность, молодой человек.

Чтобы скрыть смущение, Коля снова прижимается к стеклу.

— А это Луна? — робко спрашивает он, указывая на плывущую по другому участку неба и отливающую мертвенным блеском небольшую планету.

— Луна.

— Товарищ Бобров, — оживает Коля, — а мы скоро долетим до Луны и спасем Наташиного папу?

— Вспомнил! — ударяет себя по лбу ученый. — Вы у меня были?

— Был.

— Софья Андреевна! — кричит ученый. — Познакомьтесь. Председатель Международного общества межпланетных сообщений.

— Сокращенно Момс, — кланяется Коля подошедшей к нему женщине в комбинезоне.

— Доктор математических наук Софья Андреевна Петрова, — представляет ее Бобров.

— Сокращенно — тетя Соня, — улыбается женщина и дружески подает Коле руку.

— Так вот, председатель, — говорит Иван Иванович, — поступка вашего я одобрить не могу, но исправить его сейчас вы тоже не можете, поэтому, несмотря на то, что вы поступили плохо, будем считать, что все обстоит очень хорошо. И давайте к этому вопросу больше не возвращаться, — останавливает он Колю, который открыл уже было рот с намерением сказать что-то в свое оправдание.

Коля с благодарностью смотрит на академика и отходит к окну.

— Смотрите, что это?

Вдали справа показывается погруженная в темные облака, будто окутанная дымом, планета.

— Это Венера, — объясняет Софья Андреевна.

— Не мешало бы знать, молодой человек, — ворчливо говорит академик, — что Земля — не единственная планета, которая вращается вокруг Солнца. Кроме нее...

— Есть еще девять, — говорит Коля.

— Гм... — одобрительно хмыкает академик. — А как они называются? Не знаете?

— Луна, Меркурий, Марс, Венера, Нептун, Уран, Сатурн, Юпитер, — бойко перечисляет Коля.

— Теперь я понимаю, почему вас выбрали председателем, — с комической серьезностью говорит ученый. — Может быть, вы можете их показать?

— Сатурн могу — он с кольцами.

— А Меркурий? — спрашивает Иван Иванович.

Коля молчит.

— Вон, голубоватый. Он ближе всех к Солнцу, — показывает Софья Андреевна.

— А красноватый — это Марс, — говорит Иван Иванович. — Подальше — Юпитер. На миллионы километров от него Уран. Затем Нептун и Плутон.

— А там живут люди? — спрашивает Коля.

— Нет, председатель, не живут, — отвечает Бобров.

— На них очень холодно и нет воздуха, — добавляет Софья Андреевна.

— На некоторых есть кое-какая растительность: мох, лишайники, как, скажем, на Марсе.

— Полагают, что на Марсе есть даже большие деревья, — опять добавляет Софья Андреевна.

— Значит, кроме Земли, люди есть только на Луне, — говорит Коля.

— Глупости! — возмущается академик. — И на Луне нет людей.

— А Наташин папа?

— Но ведь это только в данный момент.

— Ну и что же из этого. В науке нужно быть точным, Иван Иванович.

Софья Андреевна и Иван Иванович дружно засмеялись.

Внезапно женщина умолкает, выражение ее лица резко меняется. Припав к стеклу, она напряженно всматривается в темное пространство — оттуда надвигается какое-то сияние.

— Комета! — говорит она с тревогой в голосе.

— Включите все моторы! — спокойно отдает распоряжения Бобров. — Софья Андреевна, радируйте на Землю: «Согласно данным, на нашем пути появилась неизвестная комета. Судя по яркому свету, комета недавно близко прошла от Солнца и сильно раскалена. Предполагаем пройти через ее хвост».

Ракету сильно качнуло. Коля упал на пол.

— Спокойствие! — командует профессор. — Комета не должна причинить нам вреда!

Яркие огненные отсветы бегают по стенам кабины.

Все глуше звучит голос Боброва.

— Радируйте: «Вокруг нас летят газы со скоростью семьдесят километров в секунду. Температура в кабине повышается. Жарко. Трудно дышать».

Ракета входит в светлый хвост кометы. Из сопла ракеты вырывается язык пламени.

Аппаратная на Земле.

Из репродуктора доносится слабый вой сирены, затем он смолкает. Дежурный торопливо крутит регуляторы настройки. Кричит в микрофон:

— Слушай, Р-2! Слушай, Р-2! Говорит Земля!..

Прислушивается. Быстро берет трубку телефона.

— Алло! Академия?.. Р-2 вошла в газовый хвост кометы. Да, да! Связь прервана.

Ракета. В иллюминаторах мелькают огненные вспышки. Коля сидит в кресле. Перед ним, со стаканом воды в руке, — Иван Иванович.

— Отлично, молодой человек, выпейте-ка воды. Надеюсь, вы не очень перепугались?

— Что вы, Иван Иванович, мне перепутиваться нельзя, — говорит Коля.

— Это почему? — невольно удивляется ученый.

— Потому что я пионер.

— Виноват. Не сообразил. Я вижу, из вас выйдет смелый аэронавт. Вы с честью выдерживаете первое испытание. А водичку все-таки выпейте.

Коля пьет воду. Стакан прыгает в его дрожащей руке и постукивает по зубам.

— Скажите, — шепчет Коля, вытирая ладонью вспотевший лоб и косясь на иллюминатор. — А комета... может... налететь на Землю?

— Нет, председатель, не может, — ободрительно говорит ученый. — Землю, молодой человек, окружает плотный слой воздуха. И если даже очень большой небесный камень встретится с Землей, он моментально рассыплется и сгорит в воздухе. Софья Андреевна, — поворачивается он к ней, — попытайтесь связаться с Землей.

Перед милиционером, вытянувшись на цыпочках, стоит Наташа. За ее спиной переминаются с ноги на ногу Сэнди и Петя.

— Товарищ милиционер, — взволнованно говорит Наташа, — вот эти два мальчика, — показывает она на своих спутников, — потеряли третьего мальчика, Колю. Колю Хомякова. Можете вы нам что-нибудь посоветовать?

— Могу.

— Что же нам делать?

— Повнимательнее читать газету, молодые граждане, — говорит милиционер, вынимает из кармана газету и читает:

«Радиограмма с ракеты Р-2. На нашей ракете обнаружен мальчик двенадцати лет, Коля Хомяков. Просим родителей мальчика не беспокоиться».

— Значит, он полетел к моему папе! — восторженно восклицает Наташа.

— Ну, Наташа, — говорит Петя, — теперь тебе нечего волноваться. Николай — не такой человек, чтобы оставить дело на полдороге.

Ракета стремительно вырывается из струи газов и погружается в темное пространство.

Засверкали звезды. Снова вокруг настороженная тишина, в которой, преодолевая миллионы километров, звучит слабый, но отчетливый голос Софьи Андреевны:

— Говорит Р-2! Говорит Р-2! Ракета благополучно миновала опасную зону. Ложимся на прежний курс. Алло! Говорит Р-2.

Кабинет Наташиного папы. Большие книжные шкафы. На стенах портреты великих ученых и астрономические карты. Перед огромным письменным столом, утонув в кожаном кресле, сидит Наташа. На коленях у нее Тобик. Наташа медленно крутит стоящий на столе старинный глобус звездного неба, на котором все звезды изображены в виде рыб, птиц и зверей.

— Где-то сейчас папа? — вздыхает Наташа.

Тобик, почувствовав грустное настроение хозяйки, начинает тихо скулить.

— Тебе-то что, — говорит она Тобику, — ты на земле, а он вот где, — и Наташа показывает на глобус. — Посмотри, как тут страшно. Видишь, какой дракон! А вот змея! А вот гидра!

Тобик начинает рычать.

— Ага, испугался! — улыбается Наташа, продолжая поворачивать глобус.

Внезапно Тобик вскакивает на стол и тычет кончиком своего черного носа в самый глобус.

— А! Это ты пса увидел, — смеется Наташа, — здесь и другой есть, поменьше. И гончие собаки, — показывает она их Тобику. — Видишь, какая у тебя была бы там хорошая компания. А ты не полетел. А Коля полетел.

Но тут Тобик поджимает хвост и в страхе начинает отступать от глобуса. Это он увидел изображение льва.

— Эх ты, трусишка, — Наташа снимает со стола Тобика и сажает его к себе на колени, — математик, а веришь сказкам. Это только в старину верили, что небо было таким. А небо, оно на самом деле совсем нестрашное. То есть, может быть, там и страшно, но только Коля — он ничего не боится. Где-то он теперь? А?

Трое аэронавтов сидят за обеденным столом.

— Прекрасно! Это что? Икра? Зернистая икра! Софья Андреевна, разрешите предложить вам икры.

— Благодарю.

— Дорогие друзья, — торжественно начинает профессор. — Обстановка пока не внушает опасений. Давайте откупорим одну бутылку и выпьем за удачный перелет и спасение ракеты Р-1!

Профессор откупоривает бутылку. Софья Андреевна подставляет рюмку. Но, вопреки ожиданию, вино не выливается.

Удивленное лицо Коли.

Профессор смотрит на часы.

— М-да! Вы понимаете? — обращается он к соседке.

Софья Андреевна улыбается. Она берет ложку, подбрасывает ее, и ложка неподвижно повисает в воздухе.

— Черт возьми! Вещи потеряли вес. Сейчас 13.00. На нас больше не действует притяжение Земли! Но ничто нам не помешает.

С этими словами профессор берет вилку и вытягивает из бутылки жидкость. Та тянется, как жидкое стекло из трубки стеклодува.

— Раз-два! — профессор перехватывает ее губами и ловко откусывает кончик.

— Следующий!

Пораженное лицо Коли. Мальчик робко берет бутылку. Он сильно встряхивает ее, и содержимое бутылки комком шлепается на стол. Рассыпавшись сотнями брызг, вино повисает в воздухе. Мальчик вскакивает со стула, отбросив от себя бутылку, и вдруг с криком сам взлетает и повисает под потолком каюты. Софья Андреевна и профессор ловят

Колю за ноги и возвращают на место.

— Осторожнее! — смеется ученый. — Держитесь за стул. Это только начало!

Неожиданно в каюте начинает греметь репродуктор.

— Алло! Алло! Говорит Земля! Поздравляем экипаж ракеты с благополучным прохождением кометы. На радиостанции полно людей. Присутствующая здесь мать Коли Хомякова хотела бы услышать его голос.

— Мама! Мама! — восторженно кричит Коля и, выпустив из рук стул, плывет по воздуху к аппарату.

— Мама! Вот он мой голос. Это я. Мне здесь очень хорошо. Мама, я сейчас пил вилкой шампанское. Мама, передай Наташе, что мы спасем ее папу. Мама, не сердись, что я улетел, я прилечу. Мама, скажи ребятам на детской технической станции, что я сделаю им доклад: «Полет на Луну». В скобках — личные впечатления. Целую. Привет Пете и Сэнди!

Коля, разволновавшись, выпускает аппарат из рук и немедленно взвивается к потолку.

— «На ракете все в порядке», — передает Земле Софья Андреевна, занявшая Колино место.

— Алло! Алло! Говорит Земля! — снова заговорил репродуктор. — Передаем концерт для участников большого межпланетного перелета. Бетховен «Лунная соната».

— Бетховен... — мечтательно произносит профессор. — Итак, друзья, продолжим наш обед. Сейчас в Москве полдень. Запомните: воду мы теперь будем пить при помощи вилки и ножа, а спать — на весу в воздухе!

Детская техническая станция.

Петя, Сэнди и еще несколько ребят в пионерских галстуках стоят с кистями в руках вокруг лежащего на полу огромного листа картона, на котором написано яркими буквами:

ПОЛЕТ НА ЛУНУ **(Личные впечатления)**

Докладчик
Николай Хомяков

— Ну, а число проставим, когда он вернется, — говорит Петя.

— Ох и народу придет на этот доклад! — мечтательно произносит один из присутствующих.

— Еще бы, — с гордостью подтверждает Сэнди, — личные впечатления. Взрослые и то придут, вот увидите.

— А вдруг нам мест не хватит? — высказывает опасения самый маленький.

— Знаете что? — обращается ко всем Петя.

— Ну?

— Давайте напишем внизу примечание.

— Какое?

— На данный доклад, как на очень интересный, взрослые не допускаются.

— Правильно! — поддерживают его все радостным хором.

В толстых стеклах иллюминаторов отражается Млечный Путь.

Приближается Луна.

Она медленно вырастает из черного пространства — суровая каменная громада.

В полутьме ракеты теплятся лампы радиоприемника.

Взволнованным шепотом Коля будит профессора.

— Иван Иванович! Проснитесь!

— А? Что такое?

— Сигналы!

Профессор встает и торопливо настраивает приемник.

Тихо.

Профессор садится у круглого иллюминатора и задумчиво барабанит пальцами по стеклу.

— Подождем!

За окном видны звезды.

— Послушайте, молодой человек, — неожиданно говорит профессор, — вам повезло. В ваши годы — вы уже участник полета на Луну. Подумайте! Полета, о котором века-

ми мечтало человечество!

Профессор привлек к себе мальчика и указал пальцем в темноту.

— Посмотрите! Кругом миллиарды звезд, рассеянных по темному пространству! Их не сосчитать! К этой ближайшей группе звезд, называемой Галактикой, принадлежит и наше Солнце со всеми планетами. В Галактике сотни тысяч звезд! — продолжает профессор. — Но Галактика — всего только крохотная часть Вселенной, а Вселенная бесконечна. Такие звездные скопления находятся и там... и там... и там! Их бесконечно много. Кто знает, какие новые миры будут открыты нами в будущем. На какие планеты рискнут полететь люди! Что они встретят там, кого увидят!.. Вселен человек — он проникает во все тайны мироздания!

Профессора прерывают внезапные сигналы.

— Быстро! Бумагу, карандаш! — и профессор тут же начинает расшифровывать: «Г о в о р и т Р-1! — Так, так! Понятно! — Р а-к е т а л е-ж и т н а д н е к р а-т е р а т о ч-к а п е-п е р е ш л и в к р а й н и й о т с е к т о ч-к а э к о-н о м и м к и с л о р о д д л я д ы х а н и-я т о ч-к а».

Сигналы оборвались. Наступила тишина.

— Живы! — облегченно вздыхает профессор. — Разбудите Софью Андреевну. Пусть она радирует об этом на Землю и продолжает слушать. По временам следует давать наши позывные!

Профессор смотрит в телескоп.

Зубчатая поверхность Луны.

Приближаясь к ней из мрака, растет крохотная серебряная точка.

По мере снижения ракеты на Луну все шире кажутся пересеченные тенью долины, все выше вздымаются горы, похожие на зубы чудовища.

В глубокой тишине ракета по спирали спускается все ниже и ниже.

Вот она уже стремительно пронесется над каменными громадами.

Профессор у руля управления. Руки на штурвале. За его креслом мальчик. Глаза обоих напряженно устремлены вперед.

В каюте слышен ровный голос Софьи Андреевны:

— Земля! Земля! Говорит Р-2! Ракета благополучно достигла Луны. Ведем поиски пропавшей ракеты в квадрате 2-0-7. Под нами кольцевые горы Гримальди. Ждите дальнейших сигналов. Земля! Земля! Говорит Р-2! Ведем поиски в квадрате 2-0-7. Земля! Земля!

— Волнуетесь, молодой человек? — тихо спрашивает профессор.

Коля молча кивает головой.

— Торжественный час, — соглашается профессор. — И страшный час. Живы ли они?.. Они должны быть живы!

Профессор резко поворачивает штурвальное колесо. Ракета с ревом моторов круто идет вправо.

— Меняю направление! Снижаюсь! — говорит профессор. — Еще раз дайте наши позывные! Слушайте.

— Р-1 молчит! — докладывает Софья Андреевна.

— Если мы не найдем их в течение четырех часов полета, — замечает профессор, — мы вынуждены будем сделать посадку и завтра повернуть назад ни с чем!

Ученый снова резко снижает ракету.

По гребням скал, проваливаясь, бежит тень ракеты.

К крыльцу обсерватории подходят Петя, Сэнди и Наташа. В руках у Пети новенькая метла. Дойдя до крыльца, мальчик останавливается.

— Ну, входи, а мы лучше здесь подождем, — говорит Петя и передает Наташе метлу.

Вестибюль. В кресле, уронив газету, дремлет Павел Елисеевич.

— Здравствуйте, дедушка, — звонко приветствует его Наташа.

Павел Елисеевич открывает глаза и с недоумением смотрит на девочку с метлой.

— Ты кто такая? Уборщица?

— Нет.

— А почему с метлой?

— Эту метлу, дедушка, — торжественно говорит Наташа, — мы преподносим вам от имени Международного общества межпланетных сообщений.

— Момс! — вскакивает Павел Елисеевич. — Где они? — кричит он грозно.

— Дедушка, миленький, не сердитесь. Наш председатель улетел на Луну. Мы очень волнуемся. Вы возвращаетесь в обществе академиков, может быть, вы что-нибудь знаете? — умоляюще смотря на него, спрашивает Наташа.

— Не знаю и знать не хочу. И вообще я за этот полет не отвечаю, — сердится дедушка.

— Почему, дедушка?

— Потому что так улетать на Луну, как на нее улетел академик Бобров, улетать нельзя.

— А как же он улетел?

— Без ка-лош!

— Ну, что вы говорите?

— Вот они стоят, — показывает он на пару калош, стоящих под вешалкой. — А почему я прозевал? Из-за Момса. На Луне сто пятьдесят градусов мороза, а калоши здесь. Могу я отвечать за такой полет? — кипятится Павел Елисеевич.

— Это только на одной половине Луны мороз, а на другой половине жара. Сто градусов, — сообщает Наташа.

— А не сочиняешь?

— Честное пионерское.

— Ну, утешила ты меня. Прямо как гора с плеч. Ясно, что они без калош на холодную-то половину не пойдут, а на жаркой-то и в баретках можно.

— Значит, вы больше на нас не сердитесь?

— Ладно уж, давай метлу, — примирительно говорит дедушка.

— А если вы что-нибудь узнаете, вы уж нам сообщите, пожалуйста.

— Как же не узнать. Все-таки среди академиков вращаюсь, — гордо говорит дед, отставив метлу, как алебарду.

Ракета Р-2 на дне гигантского кратера.

Вокруг вздымаются горы.

Каюта. Три человека склонились над картой лунной поверхности. По ней скользит палец профессора.

— Вот карта лунной поверхности, — говорит Бобров. — Она уже давно составлена учеными. Здесь нанесены все горы и долины. Вот кольцевой вал Аратосфен с пиком горы Архимеда внутри, так называемое Море Ясности, и тому подобное. Где же лежит ракета?

Профессор делает паузу, затем продолжает:

— С Земли можно наблюдать лишь чуть больше половины освещенной Солнцем лунной поверхности, примерно около пятидесяти девяти процентов. Но, может быть, ракета, которую мы ищем, находится на той стороне Луны, которая сейчас погружена во мрак и которую, кстати сказать, никогда не могли видеть люди... Во всяком случае, мне кажется, нам следует начать поиски здесь.

— Вы правы, Иван Иванович! Тем более для начала легче вынести стоградусную жару, чем блуждать по той стороне, где темно и мороз доходит до ста пятидесяти градусов.

— Решено, — заявляет профессор.

На фоне черного неба, на вершине горы, стоит фигура в скафандре. Это академик Бобров. Прикрываясь розовым стеклянным зонтом от нестерпимо палящих лучей солнца, он смотрит в подозрную трубу.

Вокруг до самого горизонта — хаотическое нагромождение мертвых скал, никогда не знавших дождя и ветра. На них ни ростка зелени, в ущельях — ни капли воды.

Небосвод усыпан звездами, свет которых не меркнет в лучах ослепительного солнца.

— По-видимому, здесь их тоже нет, — говорит профессор, со вздохом разочарования опуская подозрную трубу. — Но не будем отчаиваться. Попробуем продолжить наши поиски в другом направлении. Итак, молодой человек, на чем же я кончил? — продолжает он уже более веселым тоном. — Ах да, вспомнил. Как вы уже убедились сами, молодой человек, на Луне нет понятия «погода» — нет ветра,

нет облаков, нет дождя, нет перемены температуры, нет... Позвольте, — восклицает он, повернувшись, — и вас тоже нет! Где же вы, молодой человек?

С явным беспокойством оглядывает Иван Иванович вершины соседних скал, потом быстро достает ракетницу и стреляет в черное небо. Высоко взлетает желтый огонек. Через несколько секунд где-то вдали поднимается ответный огонек, и на одном из далеких утесов появляется маленькая фигурка. Это Коля. Он тоже одет в скафандр, за спиной кислородный прибор, в руках зонт. С невероятной легкостью перепрыгивая через пропасти и расщелины, достигает он вершины горы, на которой стоит ученый.

— Нашли? Обнаружили? — с тревогой и надеждой спрашивает мальчик.

— Пока я обнаружил только то, что напрасно вас взял с собой, а не оставил в ракете с Софьей Андреевной, — ворчит Иван Иванович. — Где вы гуляли?

— Я не гулял, Иван Иванович. Я искал, — оправдывается Коля.

— Ваши поиски кончатся тем, что придется искать вас, — продолжает ворчать академик. — Не забывайте, что здесь очень легко потеряться.

— Я, Иван Иванович, не маленький, — обижается Коля.

— А вы думаете, что теряются только маленькие? Очень хорошо. Прекрасно. Прощайте, — и с этими словами Иван Иванович исчезает.

— Иван Иванович, где вы? — не веря своим глазам, кричит Коля.

— Как видите, я не такой уж маленький, а потерялся, — слышится рядом с мальчиком голос ученого, но сам он по-прежнему остается невидимым.

— Где вы, Иван Иванович? — уже по-настоящему встревожившись, кричит Коля.

— Не нужно так кричать, молодой человек. Я совсем близко, — слышится насмешливый голос, и перед Колей появляется вытянутая рука Ивана Ивановича. Только одна рука, как бы отрезанная от туловища. Пошевелив пальцами перед Колиным носом, она вновь пропадает.

Коля протягивает за исчезнувшей рукой свою и вдруг вскрикивает:

— Где же моя рука?

Руки Коли не видно, но как только он отдергивает ее назад, она вновь появляется.

Совершенно сбитый с толку происходящим, Коля, раскрыв рот от удивления, смотрит то на свою руку, то перед собой.

— Зажгите фонарик, — слышится насмешливый голос Ивана Ивановича.

Коля вынимает карманный фонарик и включает его. В луче света совсем рядом стоит улыбающийся Иван Иванович.

— Понял?

— Нет.

— Стыдно, председатель. Разве вы не знаете, что на Луне нет воздуха и, следовательно, свет не рассеивается. Поэтому человек, вставший на Луне в тень, делается совершенно невидимым.

Коля тушит фонарик, и академик вновь исчезает.

— Теперь понял? — спрашивает Бобров, выходя из тени.

— Понял.

— Очень хорошо. Сейчас мы отправимся к той вершине, — показывает вверх Иван Иванович. — Осторожнее! Если вы свалитесь...

— Не свалюсь, — смеется Коля, — вы посмотрите, как я прыгаю, — и Коля, разбежавшись, перепрыгивает через большую расщелину и легко опускается на вершину соседней скалы.

— Как видите, я прыгаю не хуже вас, молодой человек, — говорит старый академик, с такой же легкостью,

как и Коля, перескочив через расщелину. — Но хвастаться тут нечем. На Луне и вы, и я, и все окружающие нас предметы весят в шесть раз меньше.

— Значит, здесь нормы ГТО легче сдавать, чем на Земле, — прыгая, говорит Коля.

— На Земле я их не сдавал, а здесь их, к сожалению, еще не ввели, — шутит профессор, — и широким прыжком настигает мальчика. Неожиданно впереди них, довольно далеко, происходит чудовищной силы взрыв. Колоссальный метеорит врзается в поверхность Луны.

Яркие отсветы пламени бегут в небо. Каменные ядра взметнулись вверх и со стремительной силой упали на поверхность.

— Что это? — пугается Коля.

— Метеорит, — объясняет Иван Иванович. — Как вам должно быть известно, молодой человек, метеорит — это падающая к нам из мирового пространства металлическая или каменная масса, которая... — Но новый, теперь уже более близкий и еще более сильный взрыв заставляет академика прервать свои объяснения.

— Вперед! Вон пещера! — кричит он, показывая путь к спасению.

Мальчик кидается в пещеру. Ученый бежит за ним, но в последний момент камень ударяет его по ноге, и профессор падает.

— Иван Иванович! — бросается к нему Коля.

— Не повезло. Кажется, не могу идти, — старается подняться Бобров, но, сморщившись от боли, снова садится.

— Ничего, Иван Иванович, я понесу вас.

— До ракеты далеко, и вряд ли у вас хватит сил, молодой человек. Давайте поступим по-другому. Знаете ли вы дорогу к ракете?

Коля отрицательно качает головой.

— В таком случае смотрите внимательнее. Видите две высоких скалы? Они наклонились друг к другу и образуют как бы ворота, — показывает профессор на виднеющиеся вдали скалы. — Как только вы пройдете в эти ворота, вы

увидите нашу ракету. Скажите Софье Андреевне, чтобы она прекратила дежурство у радио и немедленно шла сюда, в квадрат 44. Необходимо продолжать поиски. У нас мало времени.

— Не беспокойтесь, Иван Иванович, я быстро, — заверяет Коля.

— Найдешь?

— Еще бы, — и Коля, делая гигантские прыжки, направляется к месту, указанному Иваном Ивановичем.

Он идет по равнине, до колен проваливаясь в вулканический пепел, скользит вниз почти по отвесной каменной стене, пробирается по узкому краю страшной пропасти.

Каждый раз, преодолев очередное препятствие, он всматривается вдаль, и каждый раз две высокие скалы оказываются все ближе и ближе. Наклонившись друг к другу, они образуют как бы ворота. И вдруг Коля падает, ослепленный новым взрывом.

Проходит несколько мгновений. Каменный дождь прекращается. Коля приподнимается. Осматривается.

— Где же ворота? — шепчет он в отчаянии.

Ворот нет. Темное небо. Рядом с Солнцем — большой мутный шар — Земля.

— Земля! — шепчет Коля. — Петя, Сэнди, где же вы сейчас?

Чердак. У подозрительной трубы Петя и Сэнди.

— Где-то сейчас Коля? — сказал Петя, отрываясь от трубы.

Сэнди вздыхает и сменяет у трубы Петю, не забыв взять у него шапочку. В трубу виден маленький шар Луны.

Луна. По каменистым россыпям идет Коля. Он все время останавливается и меняет направление. Внезапно, с необычайной быстротой начинает садиться солнце. Длинные черные тени ложатся на поверхность Луны. Горы погружаются во тьму, освещены только их высокие верхушки. Вскоре и они почернели, и все окутал мрак. Но вот в темноте вспыхивает луч света. Это Коля зажег фонарик. Двигается дро-

жащий луч. Он поднимается вверх, опускается вниз, идет все дальше и дальше.

И вдруг навстречу лучу сверкнул другой луч. Коля гасит фонарик. Теперь стало видно, что свет идет из иллюминатора лежащей под скалой ракеты.

— Софья Андреевна! — кричит Коля и бежит к ракете. Открыв дверцу, он забирается внутрь. В жилой кабине царит полумрак. Пусто. На столе в тишине мерно тикают часы.

— Софья Андреевна! Софья Андреевна! — что есть силы кричит Коля.

Открывается внутренняя дверца, и в освещенном пролете двери появляется фигура бородатого человека.

— Кто вы? — вытаращив глаза, спрашивает Коля.

— Как вы сюда попали? — спрашивает бородач, удивленный не меньше Коли.

— А разве это ракета не Р-2?

— Р-1.

— Р-1? Значит, вы Наташин папа? Уррраа!! — и Коля даже заплясал от радости.

— Ой! — хватается он вдруг за голову и застывает на месте.

— Что с вами? — встревожился бородач.

— Со мной ничего. А вот академику Боброву ранило камнем ногу.

— Академику Боброву? Где он?

— Здесь, у вас на Луне. Он лежит в квадрате 44.

Где-то под окном шумит улица.

Красное полотнище с первомайским лозунгом протянулось с одного здания на другое; дома расцвечены флагами.

Наташа сидит на подоконнике и грустно смотрит на веселую улицу. Возле нее — Сэнди и Петя.

— Пойдем погуляем, — неуверенно предлагает Сэнди.

— Нет, не хочется.

Все вздыхают.

Звонок телефона. Наташа подбегает к телефону. Берет трубку.

— Я слушаю.

— Это Момс? — говорит в телефонную трубку Павел Елисеевич из вестибюля обсерватории. — Здравствуйте. Сейчас двое академиков надевали калоши — улыбаются, как именинники. Значит, все хорошо.

— Товарищи, все хорошо, — радостно сообщает Наташа, вешая трубку. — Академики улыбаются. Пошли гулять.

Ракета. На диване сидит профессор с забинтованной ногой.

— Натолкнувшись при посадке на скалу, — рассказывает ему бородач, — мы продырявили бок ракеты. Поскольку мы сэкономили электроэнергию, мы редко включали радио. Теперь пробойна заделана.

— Отлично, — кивает профессор. — Я доволен собранным вами научным материалом.

— Мы также наметили место для строительства подземного города на Луне.

— Спасибо, — говорит профессор. — Молодцы, товарищи!

Неожиданно к бородачу подходит Коля.

— Привет вам от Наташи!

— Ну как она? Что с ней? Здорова?

— Она хотела вам Тобика послать, а так получилось, что вместо Тобика прилетел я. Вы уж меня простите.

Ученые рассмеялись.

— Тихо! Слышу сигналы! — говорит второй ученый и быстро настраивает приемник. В кабине зазвучал тревожный голос Софьи Андреевны.

— Иван Иванович! Иван Иванович! Где вы? Где вы? Где мальчик? Я на ракете! Где вы? Где вы?

— Отвечайте. Все в порядке. Ракета найдена в квадрате Б-35, — весело говорит профессор и, повернувшись к бородачу, добавляет: — Завтра передадим вам часть горячего. Больше задерживаться, считаю, нет смысла.

Ракеты, одна за другой, покидают поверхность Луны.

Уходят, удаляются лунные горы.

— Говорит Земля! Говорит Земля! — разносится по ракете вместе с праздничным грохотом духовых оркестров и шумом демонстрации.

Коля присаживается к иллюминатору.

Земля приближается, как большой раскрашенный мяч, погруженный в голубую дымку и окруженный сияющими на солнце серебристыми облаками.

— Слушайте! Говорит Земля! Поздравляем участников перелета.

— Ура! Ура! — доносятся крики и музыка.

— Софья Андреевна, — говорит профессор, — внесите в журнал последнюю запись: одиннадцать часов пятьдесят две минуты. Ракеты вошли в верхние слои земной атмосферы. Межпланетное путешествие закончено. Включаем моторы. Начинаем приземление.

Рев моторов. Шум оркестров.

Софья Андреевна подходит к Коле и смотрит вместе с ним в иллюминатор. Внизу уже можно различить контуры рек и городов.

Вот уже видна цепочка кремлевских стен, алые полотнища и пестрые потоки демонстрантов.

Грохочут победные салюты в честь возвращения аэронавтов.

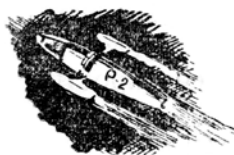
Десятки духовых оркестров исполняют «Марш летчиков»:

Все выше, и выше, и выше!

Стремим мы полет наших птиц...

В голубом небе проносятся ракетные истребители.

Ракеты одна за другой пролетают над родным городом.

Г. Голубев, А. Леонтьев

ДО СВИДАНИЯ, ЗЕМЛЯ!

Киносценарий

Рис. В. Карабута

КОСМОС. Огромные, беспредельные, почти недоступные человеческому пониманию просторы. Аспидно-черное небо расшито причудливыми узорами созвездий. Сияющая полоса Млечного Пути, а рядом черные бездонные провалы, в которых не мерцает ни одной звезды... Среди этих просторов словно заблудился далекий женский голос:

«Я — Земля! Я — Земля! Отвечайте, Сокол! Я — Земля! Я — Земля... Сокол, отвечайте! Я — Земля! Я — Земля! Я — Земля!..»

*

Земля. Станция сверхдальней космической связи.

«Сокол! Сокол! — вызывает девушка-оператор. — Я — Земля! Не слышу вас, Сокол... Я — Земля! Я — Земля! Я — Земля!..»

*

Просторный зал Астронавтического совета. Полукруглая стена от пола до потолка занята схемой нашей солнечной системы. На другой стене большой экран. Звездные глобусы, свертки карт на столах.

За длинным столом сидят члены совета. Среди них выделяется Платон Рубцов — высокий сильный человек лет тридцати трех. Поодаль — его жена, кандидат медицинских наук Валя Рубцова.

В стороне с блокнотом на коленях примостился журналист Евгений Суровцев.

Собравшиеся слушают вступительное слово председателя совета, плечистого человека с седой головой.

— Собрались не все, но ждать мы не можем, — говорит он, обводя глазами зал. — Ракета, которую мы послали на Марс, молчит второй день. Все попытки восстановить с нею связь пока безрезультатны. Там наши товарищи. Они ждут помощи. Промедление в таком деле поистине смерти ненавистой подобно...

Он останавливается на миг, чтобы налить воды в стакан.

Встает Рубцов:

— Разрешите мне?

— Подождите, Платон, — прерывает председатель. — Мы вас слушаем. Но сначала, мне кажется, следует еще разок посмотреть все сообщения с борта ракеты Батанова, чтобы получить возможно более полную картину полета. Прошу вас, Викентий Павлович, — поворачивается он к соседу.

Тот встает и с пачкой радиogramм в руке подходит к схеме солнечной системы. Нажимает кнопку на пульте. На схеме возникает светящийся пунктир, обозначающий трассу перелета с Земли на Марс.

— Скорость и направление ракеты «Сокол-2» были выбраны такими, чтобы космический корабль вышел на параболическую траекторию и достиг района Марса через семьдесят суток, в момент великого противостоя-

ния. Старт ракете был дан утром двадцать пятого мая нынешнего 1971 года.

Суховатый, размеренный голос члена совета продолжает еще звучать, а мы переносимся в ракету.

*

По мерцающим экранам на пультах пробегают зигзаги разрядов, подмигивают то загорающиеся, то гаснущие лампочки, самописцы вычерчивают на ползущих под стеклянными крышками бумажных лентах замысловатые линии.

ГОЛОС ЧЛЕНА СОВЕТА. Из многих кандидатов для этого полета были отобраны трое...

Три человека в громоздких скафандрах неподвижно лежат в глубоких креслах с откинутыми спинками.

ЧЛЕН СОВЕТА. Известный вьетнамский ученый профессор Хэнь...

Словно услышав свое имя, Хэнь открывает глаза, поворачивает голову и смотрит на своего соседа. Он еще не оправился от действия перегрузки при старте корабля.

ЧЛЕН СОВЕТА. Молодой польский инженер Владислав Сташевский...

Сташевский медленно поворачивает голову в сторону Хэня. Профессор ободряюще подмигивает ему.

ЧЛЕН СОВЕТА. Командиром корабля был назначен советский ученый Олег Батанов.

Бледное лицо Батанова с закрытыми глазами. Ему, как и Платону, немного за тридцать.

— Олег Александрович! — слышится голос Хэня.

Батанов не отвечает.

— Батанов! — встревоженно окликает его Сташевский.

Молчание. Профессор и инженер переглядываются.

Хэнь непослушными руками медленно расстегивает ремни, прикрепляющие его к креслу. Вслед за ним пытается это сделать инженер. Сташевский почти освободился, когда раздается строгий голос Батанова:

— Почему вы снимаете ремни? — Батанов слегка приподнял голову.

— Как вы себя чувствуете? — перебивает его Хэнь.

— В порядке, в порядке, — поморщившись, отвечает Батанов, переводя взгляд с прибора на прибор.

— Идем нормально, отклонение траектории не больше трех десятых процента, — весело говорит профессор.

— Двадцать семь сотых, — уточняет Батанов. — Автомат начал корректировать трассу.

Батанов нажимает кнопку на пульте управления, установленном возле его правой руки. И сразу распахивается окно в стальной стене ракеты. Только знакомое голубоватое мерцание и пробегающие полосы напоминают нам, что это не окно, а большой телевизионный экран.

Батанов медленно поворачивает рукоятки на пульте. На экране возникает Земля. Как на глобусе, проплывают материки, моря, океаны...

— До свидания, Земля!.. — тихо произносит Батанов.

*

Сидя во вращающемся кресле, Сташевский внимательно наблюдает за быстрым движением магнитной ленты с записью наблюдений. Время от времени он поворачивается вместе с креслом к пульту управления и нажимает какие-то кнопки.

Резкий, требовательный звонок оглашает кабину. Все поворачиваются к щитку, где мигает сигнальная лампочка.

Батанов, в один прыжок перемахнув через всю кабину, подтягивает к себе микрофон на шарнирной стойке.

— Сокол, Сокол, отвечайте... Не слышу вас, Сокол! — вызывает Земля сквозь шорохи и треск разрядов, наполняющих эфир.

— Я — Сокол! Я — Сокол! Слышу вас, Земля. Все в порядке... Все в порядке. Включаю очередную запись сделанных наблюдений...

И ракету заполняет деловитый писк «морзянки».

ГОЛОС ЧЛЕНА СОВЕТА. Закодированные результаты наблюдений передавались регулярно на Землю. Сеансы связи повторялись через каждые трое суток в одно и то же время...

Летит серебристая ракета. Ее стремительный бег поглощает десятки километров в секунду, сотни тысяч в сутки... И, как бы свидетельствуя о ее продвижении, медленно изменяется рисунок взаимного расположения созвездий на бархатной карте небосвода.

ГОЛОС ЧЛЕНА СОВЕТА. Полет протекал нормально. Тридцатого июля ракету отделяло от Земли свыше пятидесяти миллионов километров. В тот день Международная федерация астронавтов зарегистрировала результат экипажа Батанова в качестве абсолютного космического рекорда высоты для управляемых человеком ракет всех видов и классов.

*

Ракета.

Астронавты обедают.

Батанов сосредоточенно выдавливая себе в рот остатки содержимого небольшой плоской флаги.

Профессор Хэнь в поварском фартуке с довольной улыбкой наблюдает за ним, потом переводит взгляд на Сташевского.

— Ну как? — горделиво спрашивает он.

Инженер без слов показывает большой палец, а Батанов тяжело отдувается:

— Фу... Боюсь, мы не вылезем из ракеты. Подобные лукулловские пиршества надо бы запретить...

— Ну, не каждый же день мы побиваем рекорды, — смеется Хэнь, забирая у них флажки. — Эх, — мечтательно произносит он, — если бы можно было приготовить молодой бамбук в ореховом соусе! Но, увы, в космосе пока не

растет бамбук... А теперь по чашечке — вернее, по сосочке — кофейку...

Он подает товарищам фляжки несколько иной формы.

Батанов и Сташевский принимают с видимым удовольствием «посасывать» кофе.

Батанов, удобно повиснув в воздухе, раскрывает какую-то книгу.

Заинтересованный инженер заглядывает в нее.

Вместо привычного текста он с изумлением видит странные фигурки причудливых существ.

— Что это, Олег Александрович?!

Застигнутый врасплох, Батанов смущенно захлопывает книгу.

— Так... Одна древняя рукопись на языке индейцев майя...

— Майя? — переспрашивает Сташевский. — Зачем?

— Успокаивает нервы, — с легкой усмешкой говорит Батанов.

И вдруг раздается резкий металлический удар, сопровождаемый пронзительным свистом. Корпус корабля вздрагивает. Неистовый звонок аварийной тревоги.

— Закрыть шлемы! — кричит Батанов, поспешно опуская прозрачный колпак скафандра. Поворотом рукоятки у пояса включает автономное питание кислородом.

Хэнь и Сташевский следуют его примеру.

Батанов подымает голову. В «потолке» кабины крохотное отверстие, через которое со свистом улетучивается воздух.

— Метеорит! — восклицает Батанов. — Профессор, срочно аварийный...

Осекается. Он видит, как профессор Хэнь тщетно вертит рукоятку включения кислорода.

Олег переводит взгляд.

На боку профессора пробитый кислородный баллон: сюда на излете угодила осколка метеорита.

Олег стремительно бросается к товарищу. Поворотом рукоятки отключает свой аварийный баллон. Задержав дыхание, снимает его. Присоединяет к скафандру Хэня, вклю-

чает кислород и передает безжизненное тело профессора подоспевшему инженеру.

Мучительно борясь с удушьем, удерживая в легких крохотную частицу воздуха, Батанов пробирается к стойке, где закреплены запасные баллоны.

Сташевский ритмически поднимает и опускает руки вьетнамца, как это делают, возбуждая искусственное дыхание.

Сквозь крышку скафандра видно, как дрогнули веки профессора. Он с трудом открывает глаза.

— Спасибо... — тихо благодарит он. Еще секунда, вторая, и к нему возвращается обычная насмешливость.

— Нет худа без добра... — говорит Хэнь. — Согласно теории вероятностей космические корабли на ближайшие триста лет гарантированы от попадания метеоритов... Где Батанов?

— Все в порядке... — хрипло отзывается Батанов. — Все в порядке... Сташевский, возьмите сварочный аппарат... Надо ликвидировать пробоину... Восстановить давление...

С портативным аппаратом в руках, пользуясь условиями невесомости, инженер в одно мгновение оказывается у пробоины.

С трудом поднявшись, к нему присоединяется Батанов.

— Олег... — негромко звучит в его шлеме голос профессора. Он никогда еще так не называл командира. — Олег... Я хочу...

— Не надо, профессор... — перебивает его Батанов. — Ответьте Земле. Сейчас время.

*

И снова в аспидно-черном небе космоса летит серебристая капля — земной корабль.

ГОЛОС ЧЛЕНА СОВЕТА. Столкновение с метеоритом не причинило ракете серьезных повреждений. Второго ав-

густа ракета вошла в зону непосредственной близости Марса...

Кабина корабля.

В голубоватом мерцании экрана сияет крупный диск. Это Марс. Рядом с ним два пятнышка — две крохотные «лунны», обращающиеся вокруг него: Фобос и Деймос.

Сташевский поворачивает рукоятку настройки.

План изображения меняется. Марс укрупняется. Видно, как на его поверхности переплетается сеть тонких «каналов», пятна «морей», на полюсах белеют полярные шапки.

— Наша кривая почти совпадает с расчетной, — говорит Хэнь. — Мы встретимся с поверхностью Марса в экваториальной области.

— Это очень удачно, — добавляет Сташевский. — В экваториальной плоскости потребуется меньшая энергия для взлета.

— Да... — задумчиво говорит Батанов, пристально глядя на экран. — И не только это... в экваториальном поясе...

Он умолкает, не договорив.

— Олег Александрович, — придвигается к Батанову инженер, — мне все время кажется, что вы надеетесь найти там еще что-то.

И снова Батанов смущен. Его лицо теряет обычную жесткость.

— Понимаете... — неуверенно начинает он.

Резкий звонок заставляет всех обернуться к приборам.

Тревожно мигают контрольные лампочки. Мечутся молнии на экранах осциллографа.

— Запишите, — отрывисто говорит Хэнь. — В 17 часов 31 минуту вошли в зону резкого повышения интенсивности магнитного поля...

*

— Земля! Земля! Я — Сокол! Даю очередную сводку, — говорит в микрофон Батанов. — За минувшие сутки напряженность магнитного поля продолжала возрастать. Почасовую запись наблюдений передадим дальше кодом. Все в порядке. Продолжаем полет. Внимание! Включаем запись наблюдений...

Батанов кивает Сташевскому и отодвигает микрофон.

Инженер включает магнитофон.

*

Мы возвращаемся в зал заседаний совета. Все слушают заключительные слова члена совета:

— «Все в порядке. Полет продолжается». Таким было последнее сообщение Батанова, уже ставшее традиционным. Следующий сеанс связи должен был состояться через сутки, то есть вчера. Но ракета не ответила. Все попытки установить с нею связь были безуспешны, но мы не прекращаем их до сих пор...

Он хочет добавить еще что-то, но, встретив взгляд председателя, молча собирает бумаги и, сутулясь, возвращается на свое место за столом.

— Да-с... — задумчиво произносит председатель и, подавшись вперед, смотрит на Рубцова. — Платон Степанович, вы, кажется, хотели высказаться? Прошу. Слово имеет доцент Рубцов.

Платон встает, несколько мгновений молчит, потом поднимает голову.

— Я должен сказать совету... — глуховато начинает он. — В том, что случилось с ракетой... с нашими товарищами, есть моя большая вина...

В широко открытых глазах Вали тревога и удивление.

Резким движением поднял седую голову от бумаг председатель совета.

По залу проходит настороженный шорох.

Суровцев прерывает записи в блокноте и недоумевающе смотрит на Рубцова.

— Батанов пытался разгадать тайну исчезновения автоматических ракет «М-4» и «М-5», направленных к Марсу в прошлом году, — говорит Платон. — Расшифровывая последние сообщения с ракет, Батанов выдвинул предположение, что нарушение работы приборов было вызвано мощным магнитным полем. Мы провели серию экспериментов, помещая модель ракеты в магнитные поля различной мощности. Я помогал ему, рассчитывая электронную систему автоматики управления и безопасности полета...

*

Так называемая «горячая камера», где проводятся взрывоопасные эксперименты. В центре установлена большая кордовая модель космического корабля. Свободная подвеска позволяет ей произвольно менять направление движения.

*

За бетонной стеной убежища Батанов. Рубцов и несколько молодых ассистентов внимательно следят по приборам за поведением ракеты.

— Поднять напряжение, — негромко командует Батанов.

Ассистент выполняет распоряжение.

*

Ровное движение ракеты в «горячей камере» прекратилось. Медленно, словно нехотя, она подымает вверх свой острый нос.

Стрелка на циферблате пересекает красную черту.
Ракета на корде рыщет, мечется из стороны в сторону.

*

Убежище.

Платон предупредительно касается руки Батанова.

— Стоп! — командует Олег. — Снять напряжение.

Ассистент выключает пульт.

Батанов, откинувшись в кресле, закуривает сигарету.

— Опять та же картина... — говорит Платон. — Магнитное поле выводит из строя автоматику. Никакая защита не помогает.

*

«Горячая камера».

Батанов и Рубцов склонились над длинным телом ракеты. Откинув пластмассовый колпак, Батанов пристально вглядывается в сложное переплетение проводов и полупроводниковых элементов.

— Надо разработать такую систему, — слышится сзади голос Платона, — которая сможет сама вывести ракету из опасной зоны и положить ее на обратный курс. Это единственный выход...

— Ты думаешь? — не оборачиваясь, спрашивает Олег.

— Конечно! Автомат сработает быстрее и точнее человека. Ракета благополучно вернется на Землю. Иначе...

Батанов быстро оборачивается. Платон умолкает.

Короткая пауза. Олег подзывает ассистента.

— Игорь, — говорит он. — Попросите, чтобы здесь смонтировали пульт наблюдения.

— Зачем? — настораживается Платон.

— Она слишком мала, чтобы забраться внутрь, — усмехается Батанов, похлопывая рукой по корпусу ракеты. — А я хочу все видеть своими глазами...

— Приборов тебе мало? Они дают полную картину...

— У меня не хватает фантазии. — Батанов поворачивается к ассистенту. — Установите на пульте дистанционное управление ракетой.

— Хочешь подменить электронный мозг?

— Подменить? Скорее дополнить...

*

Та же «горячая камера». В центре ее на корде, постепенно набирая скорость, вращается ракета.

В стороне отделенный толстой перегородкой из органического стекла пульт дистанционного управления и приборная доска.

Напряженно всматриваются сквозь стекло Олег и Платон.

— Еще! — командует Батанов. — Прибавь!

— Есть! — тихо отзывается Платон. Ракета рванулась в сторону...

И в ту же секунду Батанов нажимом кнопок на пульте возвращает ее на прежний курс...

Стрелка зашла далеко за красную черту.

Крупные капли пота выступили на лбу приникшего к стеклу Платона.

— Прибавь! — бросает Олег. — Еще!..

Платон предупреждающе касается его рукой:

— Она заправлена горячим...

Но Олег словно не слышит его. Он упрямо борется с изменением курса ракеты, стараясь предупредить каждую ошибку автомата, малейшее отклонение от заданного курса.

— Еще!..

— Нельзя! — кричит Платон. — Мы перешли...

— Еще! — Батанов на секунду оборачивается. — Струсил?!

Стиснув зубы, Платон рывком поворачивает рукоятку. Грохот взрыва перекрывает все. Столб огня и дыма. Звон разлетающегося стекла...

*

Зал заседания Астронавтического совета.

— Так печально закончился наш эксперимент, — говорит Платон, машинально поглаживая шрам на подбородке. — Наши опыты неопровержимо доказали, что резко возросшее магнитное поле может вызвать любые нарушения в работе электроприборов ракеты вплоть... — он замялся на секунду и, справившись с волнением, твердо закончил: — вплоть до катастрофы...

Впервые произнесенное страшное слово повисло в напряженной тишине зала.

— Была разработана программа автоматического изменения курса ракеты и возвращения ее на Землю, — продолжает Платон. — Были приняты, казалось, все меры предосторожности. Кроме одной...

— Какой? — строго спрашивает председатель.

Платой подымает голову.

— Лететь должен был я. Я электронник. Я сам разрабатывал программу, я мог раньше заметить опасность и предотвратить ее. Повторяю: лететь должен был я. И моя вина в том, что я не настоял на этом.

— Простите, товарищ Рубцов, — перебивает его один из членов совета. — Но ведь командира корабля утверждал совет...

— Да. Совет признал нас обоих полностью отвечающими требованиям этого полета. Нам было оказано доверие — самим решить, кому лететь. Я не имел права передоверить такое решение случаю, я должен был настаивать, требовать...

— Товарищ Рубцов, — спрашивает председатель, — вы сказали — «передоверить случаю». При чем здесь случай?

— Мы... бросили жребий...

*

Лаборатория.

Входят Платон, Олег и Валя. Все трое молчаливы и сосредоточенны.

— Здесь? — спрашивает Валя.

— Пусть здесь, — говорит Платон.

Батанов согласно кивает. Валя присаживается к столу. Разрывает пополам листок бумаги.

Платон и Олег в противоположном конце комнаты. Оба взволнованны, хотя и скрывают это. Платон что-то фальшиво мурлычет. Батанов никак не может раскурить сигарету.

Валя медлит.

— Да не тяни ты! — не выдерживает Платон. — Давай!..

Валя, вздрогнув, придвигает листки. Размашистым «докторским» почерком пишет на одном «лететь», на другом — «оставаться».

Поискав глазами подходящий предмет, берет фарфоровую ступку. Свернув, опускает туда обе записки. Несколько раз встряхивает, потом опускает за спиной руку в ступку.

— Кому? — спрашивает она.

Оба претендента молчат.

— Кому? — повторяет Валя.

Олег молчит.

— Ему... — выдавливает Платон.

Валя вынимает записку. Медленно разворачивает ее. Платон, не отрываясь, следит за ней. Батанов занят все еще не раскурившейся сигаретой.

Валя на секунду задерживает взгляд на его лице. Разворачивает записку.

— Лететь!..

*

Зал заседания Астронавтического совета.

— ...Так решил наш спор, — глухо заканчивает Платон. — Мы доверились случаю... Я не имел права этого делать...

Платон опускается на место. Какой-то человек, сидящий рядом, участливо пожимает ему руку.

— Не будем сейчас искать виновников... — говорит председатель, но останавливается, обеспокоенный необычно взволнованным видом Вали. — Не будем... — Нет, лицо Вали все-таки привлекает его внимание. — Валентина Сергеевна, — мягко говорит он, — вы хотите что-то сказать?

— Да! — Валя поднимается. — Я хочу сказать... Во всем виновата я...

И снова пролетевший по рядам ропот сменяется напряженной тишиной.

— Чтобы все как следует объяснить, я должна рассказать очень много, — говорит Валя. — Может, даже о нескольких годах жизни... Сейчас не время, я понимаю. Расскажу о том, что произошло а последние дни перед отлетом Батанова. Может быть, кому-нибудь все это покажется несерьезным, но для меня это было очень важно...

*

Квартира Рубцовых. Воскресное утро. С мерно жужжащим пылесосом в руках Валя проходит по комнате.

Из-за обитой двери кабинета высовывается голова Платона.

— Валя, мешает...

Валя выключает пылесос.

— Итак, Платон Степанович, — слышится чей-то голос из кабинета, — первый вопрос: как вы расцениваете...

Валя выходит в переднюю. Вытаскивает из распахнутого стенового шкафа залежавшиеся там вещи. Среди помятых шляп, поломанных зонтиков и картонок ей попадает потертый, выдавший виды рюкзак. Валя разворачивает его, встряхивает. Сбоку видна полустертая надпись чернильным карандашом: «В. Коновалова». Валя осторожно проводит по ней рукой, вспоминая что-то... И вдруг, радостно улыбнувшись, бросается в комнату. У дверей кабинета ее останавливает размеренный голос Платона.

— ...Настоящий ученый не может носиться с беспочвенными фантазиями, — четко, как будто диктуя, говорит Платон. — Мы руководствуемся объективными показаниями приборов, а не эмоциями...

Валя, прислонившись к неплотно прикрытой двери, слушает голос мужа.

— ...Я лично лечу в космос не открывать поселения марсиан, а собирать достоверные данные об одной из ближайших к нам планет. Должен сказать, что львиную долю работы берут на себя автоматы.

В кабинете перед Платоном корреспондент с портативным магнитофоном. Платон уверенно говорит в микрофон:

— Современные автоматы способны принимать гораздо более разумные решения, чем люди. И я предпочту трезвый расчет электронной машины любой самой заманчивой, но не покоящейся на точно проверенных фактах гипотезе...

Валя плотно прикрывает дверь. Идет в переднюю, бросает рюкзак в угол, устало опускается на стул.

Дверь кабинета раскрывается. Рубцов провожает корреспондента. У порога Платон цепляется ногой за рюкзак и едва не падает.

— Черт знает что! Потрясающая способность у женщин хранить всякую рухлядь!

Носком ботинка отбрасывает рюкзак в сторону.

*

ГОЛОС ВАЛИ. Накануне решающего заседания совета я уходила из института очень поздно...

В саду перед зданием института густой полумрак весенней ночи. Только в стороне мерцает одинокий огонек папиросы. Валя вглядывается в силуэт человека, сидящего на скамейке.

— Олег?!

Человек подымается. Это Батанов.

— Ты здесь?! Ты давно должен спать!

— Можно, я провожу тебя? — спрашивает Батанов. — Давай пройдемся немного.

Неторопливо идут по ночной улице Олег и Валя.

— «...И раздался гром, — медленно, нарастав говорит Батанов, глядя на звезды. — И взлетел к небу столб пламени, и на расстоянии трехдневных переходов пали ниц люди и закрыли они глаза, дабы не ослепнуть, а когда вновь открыли их — огненный след умчался к далеким звездам...»

Валя в изумлении смотрит на Батанова.

— Что это?!

— Попробуй догадаться сама.

— Похоже на описание старта космического корабля.

— Верно...

— Только почему такой странный стиль?

— Видишь ли — это описание родилось несколько тысячелетий назад... Тогда все ученые были поэтами...

Изумление Вали сменяется почти тревогой. Батанов сегодня не такой, как всегда. Она не узнает этого обычно сурового, строгого человека.

— Это легенда древних майя, — продолжает Батанов.

Олег умолкает.

— Мы пришли...

— У тебя темно... — говорит он. — Все спят... Спит Платон... Его сердце отсчитывает положенные шестьдесят четыре удара в минуту...

— Да... У него очень спокойное сердце...

В голосе Вали звучит чуть заметная горечь.

— До свидания... — говорит Батанов. — Извини, тебе давно пора спать...

— Нет, нет! — протестует Валя. — Знаешь... Я тебя провожу немного...

— Ты?

— Да. Идем...

ВАЛЯ и Олег Батанов идут по ночной Москве.

— ...В одной нашей Галактике можно предположить по крайней мере миллион планет, похожих на Землю и населенных разумными существами. Мы все дальше углубляемся в космос. А почему же они не могли когда-нибудь посещать Землю? Или запустить вокруг Марса искусственные спутники? А я уверен, что они искусственные! — говорит Батанов.

— И давно у тебя эта идея? — спрашивает Валя.

— Давненько... Помнишь? На первом курсе мы возвращались с собрания: ты, Пла-

тон и я...

— Помню! — восклицает Валя. — Здесь, у этого столба, нам Платон впервые рассказал тогда о Тунгусском метеорите и Марсе...

— Да... Я еще удивился: электронник — и вдруг Марс, гипотеза писателя Казанцева... Космические корабли... Полет воображения... Удивительно страстно он говорил!..

Валя огляделась вокруг.

— Как это было давно... — задумчиво произносит она. — Как все изменилось... И дома и...

Она поворачивается к Батанову.

— Последние годы мы стали реже видеться... Как-то дальше друг от друга... Ты давно не отдыхал с нами... Ездил в какой-то особенный санаторий...

Батанов, улыбнувшись, покачал головой.

— Последние два лета я провел в Сибири...

Он вынимает из кармана какой-то небольшой темный предмет.

— Помнишь?

У него на ладони — причудливый, свитый в спираль камень. Чья-то рука нанесла на его поверхность зубцы, похожие на чешую, и тонкую замысловатую резьбу.

Валя осторожно проводит рукой по кольцам каменной змеи, ощупывая тончайшую резьбу. Долгая пауза.

— Олег!.. Я никогда не знала, что ты... — она ищет слово, — ты поэт!

— Нет, — усмехается Батанов, — я физик.

Он пристально смотрит на звездное небо, где ярко горит над горизонтом голубоватая Венера.

— Древние майя утверждали, будто их мудрый вождь пернатый змей — Кетцалкоатль, простившись со своим народом, умчался на небо, и его сердце превратилось в утреннюю звезду...

— В Венеру?

— Да.

— И ты считаешь, что древние индейцы ошиблись? Спутали планеты?

— Это исключено, они были удивительными астрономами...

— Тогда при чем же здесь Марс? Твоя гипотеза...

— По всем расчетам, в 1906 году никакой космический корабль не мог прилететь с Марса. Взаимное расположение планет совершенно исключает это. А в то же время, как ты знаешь, экспедиция Волкова не обнаружила на Венере никаких следов цивилизации...

— Откуда же они прилетали?

— Вот это загадка, которую я хочу разгадать!

*

Зал заседания совета.

Валя продолжает свой рассказ:

— На следующий день совет предложил Батанову и Рубцову самим решить, кто из них поведет корабль. Как вы знаете, они решили бросить жребий. Но было это не совсем так, как рассказал Платон. На самолете лететь должен был Рубцов... Я подменила жребий...

— Что?! — кричит вскочивший со своего места Платон.
— Ты подменила жребий?!

*

В зале шум. Валя молчит.

— Невероятно! — восклицает Платон. — Поставить под удар важнейшую экспедицию! Это не ребячество!.. Это...

— погоди, Платон, — останавливает Рубцова выкрик из задних рядов. — Валя права! Лететь должен был Батанов! Это его право!

Журналист Суровцев, размахивая блокнотом, торопливо идет по проходу, не очень связно говоря на ходу:

— Разрешите... Я должен рассказать... Все это не случайно...

— Товарищ Суровцев, — строго произносит председатель, — вы хотите...

— Да... Я хочу... Я должен... Все мы друзья еще по университету. И я должен рассказать сейчас о том, что было ровно десять лет назад.

Зал постепенно успокаивается. Председатель не прерывает журналиста.

— Помните 1961 год? Первый прорыв человека в космос... Подвиг Юрия Гагарина... Весь мир тогда говорил о космических путешествиях... Летом шестьдесят первого года мы вчетвером: Рубцов, Батанов, Валя — тогда она была еще Коновалова — и я отправились в Сибирь на поиски Тунгусского метеорита... Затеял все это Платон, в то время он был яростным сторонником гипотезы писателя Казанцева. Утверждал, что таинственный метеорит был космическим кораблем марсиан... Однако пыла Рубцова хватило ненадолго. Мы не нашли никаких прямых подтверждений этой гипотезы, и через месяц Платон стал ее убежденным противником. Я хочу напомнить о находке Батанова в день нашего отъезда из тайги. Вместе с геологическими образцами Олег притащил тогда в палатку удивительный предмет...

*

Перед нами возникает протекшая от дождя парусиновая палатка. В ней четверо друзей. Все они на десять лет моложе. Столпившись вокруг Батанова, они с изумлением рассматривают причудливо свитый в спираль камень. Это та самая статуэтка, которую мы видели в ночном разговоре Батанова и Вали.

— Что это? — тихо спрашивает Валя.

— Не знаю, — говорит Олег. — Я нашел это в корнях вывороченной лиственницы у северо-восточного вывала...

Суровцев бережно очищает камень от приставших комочков земли.

— Странно... — бормочет он. — Очень странно, но... Нет, это, конечно, невероятно... Мне кажется, что я точно такой же камень однажды видел..

— Где? — спрашивает Валя.

— В Москве.

— На мостовой? — усмехается Платон.

Но Женя не принимает его иронии. Он слишком взволнован.

— Нет... На мексиканской выставке...

— Что?!

— Да, да... Тем было много... всех размеров... Это...

— Ну? — не выдерживает Валя.

— Я боюсь ошибиться, но, по-моему, это Кетцалкоатль — священный пернатый змей древних индейцев майя!

На мгновение в палатке становится очень тихо. Валя осторожно, как замороженная, проводит рукой по камню, ощупывая тончайшую резьбу.

Первым приходит в себя Платон.

— Какая чепуха! — он отбрасывает статуэтку Олегу. — Возьми свой бульжник...

И снова становится тихо. Олег медленно поднимается, сжимает кулаки.

— Платон! — кидается Валя. — Ребята!.. Вы с ума сошли!

Батанов, тяжело дыша, отступает.

— Извини, Олег... — смущенно говорит Платон. — Я не хотел тебя обидеть. В конце концов все эти статуэтки чепуха... На них не построишь гипотезы.

— Да? А мне казалось, что тебе это легко удастся, — бросает Батанов.

— Ну, брось, Олег, — примирительно говорит Платон. — Мне тоже обидно, что наша экспедиция кончилась ничем!

— А тебе не кажется, — подчеркнуто спокойно произносит Батанов, — что она только начинается?

— Ребята! — кричит Суровцев. — Ребя...

*

В зале заседаний совета, прервав свой рассказ на полуслове, стоит Суровцев.

Так же как и все, он смотрит в сторону председателя, пытаясь понять, что сообщает появившийся в зале молодой научный сотрудник.

Академик торопливо встает:

— Товарищи! Только что удалось установить связь. Батанова очень плохо слышно. Сейчас пленку с записью после усиления переключат сюда, на этот зал...

Вскочила Валя.

Подавшись вперед, повернулся к динамику Платон.

Торопливо раскрывает блокнот Суровцев.

Все, притаив дыхание, не отрывают глаз от динамика.

Доносятся треск и шорох космических разрядов... И далекий голос Батанова:

— Земля! Земля! Я — Сокол! Докладываю коротко о событиях с момента перерыва связи...

*

Кабина ракеты.

В ней астронавты примерно в тех же позах, в каких мы видели их перед перерывом связи.

Хэнь сосредоточенно смотрит на пульт, где под стеклянными колпаками судорожно дергаются стрелки приборов.

— Запишите, — отрывисто бросает он Сташевскому. — Девятнадцать часов восемнадцать минут. Напряжение магнитного поля возросло в пять раз...

Батанов устало снимает наушники.

— Земля нас не слышит...

На приборной доске автоматы вычерчивают на ползущих лентах лихорадочные зигзаги.

— Автоматика начинает дурить, — тихо говорит инженер.

— Похоже на историю М-4 и М-5, — задумчиво произносит Хэнь. — Сначала там тоже прервалась связь... — он не заканчивает фразы.

— Там были автоматы, — вставляет Сташевский, — а здесь...

И тоже умолкает.

Батанов, внимательно взглянув на молодого инженера, твердо заканчивает:

— Вот именно: тем были автоматы, а здесь мы, люди!

*

В черном небе, приближаясь к яркому диску Марса, движется серебристая точка ракеты...

*

Кабина ракеты.

Бешено пляшут стрелки приборов.

По напряженным лицам астронавтов мечутся блики света от непрерывно мигающих сигнальных лампочек.

— Автоматика на пределе, — говорит Сташевский, тревожно бросая взгляд на командира.

Батанов молчит, не отрывая глаз от приборов.

— Согласно инструкции... — продолжает инженер.

— Не подсказывайте мне, Сташевский, — отзывается Батанов. — Мне хорошо известно, что согласно инструкции в этих условиях я обязан прекратить полет.

— Что?! — вскидывается Хэнь. — Прекратить полет?! Когда я только начал исследования! Никогда в жизни... Это как один глоток умирающему от жажды...

— Так гласит инструкция, — хмуро говорит Батанов. — Если мы не повернем корабль...

— То это сделают автоматы! — заканчивает инженер.

— Да... Автоматика не может работать в таких условиях, — говорит Батанов. — Вы знаете это не хуже меня, профес-

сор... Через несколько минут защитные устройства механически положат нас на обратный, точно рассчитанный курс.

— Олег Александрович, — тревожно восклицает инженер, — на локаторе появился дополнительный импульс!

— Где? — встрепнулся Батанов.

Все трое пристально всматриваются в экран локатора.

На экране пляшут беспорядочные искорки магнитных возмущений. Но время от времени среди них проскакивает яркая вспышка.

— Периодический импульс! — восклицает профессор.

— Он повторяется через каждые две секунды!

— Что же это? — спрашивает Сташевский.

Батанов не отвечает, напряженно вглядываясь в экран.

По экрану локатора снова пробегает загадочная вспышка. И в тот же момент из динамика раздается мелодичный, протяжный звук.

Затаив дыханиеastrонавты слушают, как из межпланетных далей к ним снова и снова доносится манящий, хрустальный звук, упрямо прорывающийся сквозь треск разрядов.

— Маяк! — радостно вскрикивает Сташевский. — Это же радиомаяк, товарищи! Нас ищут! Это Земля!

— Это не Земля... — медленно произносит Батанов, прислушиваясь к загадочным позывным.

— Как нет? Кто-то подает сигналы!

— Вот именно... Кто-то... — негромко отзывается Хэнь.

— Как?! — шепотом произносит опешивший инженер.

Ему никто не отвечает. Все молчат. Только снова и снова звучит сигнал маяка. Батанов вопросительно смотрит на Хэня.

— Это Деймос... — уверенно говорит тот. — Сигналы идут, несомненно, оттуда.

— Очевидно, нас приглашают в гости.

— И причем любезно показывают дорогу, — в тон ему говорит Хэнь, — по вьетнамским обычаям в таком случае отказываться большой грех...

— По русским тоже...

— По польским также, — восклицает Сташевский. — Но автоматы... С минуты на минуту они повернут нас!

Это напоминание заставляет всех опять стать серьезными.

— Есть выход... — наконец говорит командир. — Программу автоматики разрабатывал мой друг, Платон Рубцов. А он всегда был чересчур предусмотрителен.

— Вы полагаете, он мог передать это достойное уважения качество своему детищу? — подхватывает Хэнь.

— Возможно, — соглашается Батанов. — У меня даже есть основания полагать, что это именно так.

Он переводит взгляд на приборы, неистовствующие под влиянием магнитного поля.

— Принимаю такое решение, — говорит Батанов. — Мы выключаем автоматику наведения корабля. Идем на посадку на Деймос. Диаметр его всего восемь километров. Сила тяжести на нем фактически отсутствует. Для обратного взлета нам потребуется гораздо меньше энергии, чем для взлета с Марса, если бы мы стали садиться на эту планету. А резерв энергии нам очень пригодится, — когда придется на обратном пути пробивать этот проклятый магнитный пояс. Так? Возражений нет?

— Нет, — первым торопливо отвечает инженер.

— Инженер Сташевский, — командует Батанов, — контроль за двигателями. Профессор Хэнь! Подготовьте расчетные данные.

— Есть! — неожиданно строго отзывается профессор.

Он уступает Батанову свое место. Олег садится перед пультом.

— Выключить автоматику наведения, — спокойно произносит он.

Астронавты снова, как при старте, лежат в креслах с откинутыми спинками.

Безжизненно замерли стрелки отключенных приборов.

По экрану локатора продолжают проскальзывать импульсы маяка.

— Внимание! — командует Батанов. — Даю торможение!..

Все возрастающая сила тяжести вдавливают голову профессора Хэня в губчатую подушку кресла.

Медленно, с большими усилиями протянув руку, Батанов поворачивает небольшой штурвал на пульте.

Диск Марса на экране начинает медленно смещаться влево, а справа у края экрана возникает мигающее импульсами маяка пятнышко Деймоса.

На маленьком экране высотомера с негромким звонком выскакивают цифры: 2 000 километров.

— Отлично, Олег! — с трудом выговаривает Хэнь. — Мы выходим... точно... на орбиту Деймоса...

До крови закусив губы, Батанов продолжает поворачивать рукоятки на пульте.

На экране бокового локатора в разрывах сверкающих туч мелькает поверхность Марса.

— Третьего круга... я не выдержу, — еле произносит Батанов. — Владик... переключаю управление на вас... Не теряйте маяк.

— Есть! — отвечает Сташевский и начинает подтягиваться к пульту.

На альтиметре меняются цифры: 600... 500...

Батанов лежит, откинув голову. Глаза у него закрыты, только вздрагивают от напряжения веки.

Сташевский пытается повернуть штурвал. Рука у него срывается.

На высотомере — 300 километров...

Батанов пытается дотянуться до штурвала.

На циферблате — 200 километров.

— Поле исчезло! — вскрикивает Хэнь, широко открыв удивленные глаза. — Они сняли магнитное поле! Включаю автоматику!

Ожили стрелки приборов на пульте. Облегченно вздыхает Батанов.

Обессиленный инженер отпускает штурвал и откидывается в кресле.

Стремительно приближающийся диск Деймоса занимает уже почти весь экран локатора...

*

Темнота. Раздается металлический скрежет, потом наступает тишина.

Слабый свет аварийной лампочки освещает кабину ракеты. Все трое астронавтов, приподнявшись в своих креслах насколько позволяют ремни, осматриваются вокруг.

— Авария? — спрашивает профессор Хэнь.

— Нет, — говорит Батанов. — Просто автомат отключил основную сеть на случай пожара. Сейчас проверим.

Он нажимает кнопку, и загораются все лампы.

— Мы приземлились? — слышится голос Сташевского.

— Кажется, — отзывается Хэнь, — если это слово подходит к спутнику Марса.

— Сейчас осмотримся, — говорит Батанов, отстегивая часть ремней и придвигаясь к пульту управления.

— Смотрите, поле опять возникло! — восклицает Хэнь, показывая на далеко отклонившуюся вправо на шкале стрелку магнитометра.

Хэнь и Батанов переглядываются.

— Поле, несомненно, искусственного происхождения, — говорит Батанов. — «Они» выключили его, чтобы не ме-

шать нашей посадке, а теперь включили вновь. Очевидно, это какой-то особый вид маяка для наводки кораблей.

Кажется, что экран очень долго не загорается. Но вот на нем проступает небо, усыпанное звездами, и уходящая вдаль темная равнина. Она совершенно пустынна и плоска, как доска стола. Горизонт непривычно близок. Шарообразность этой странной планеты, так сказать, ощутима взглядом.

— Идеально ровная поверхность, — говорит Батанов.

— И никаких следов почвы. Как бильярдный шар...

Они снова впиваются глазами в мерцающий экран. Повинуясь повороту штурвала на пульте, камера медленно панорамирует.

Невольно издав какие-то односложные восклицания, все трое подаются к экрану.

На фоне звездного неба отчетливо виден силуэт какого-то странного ажурного сооружения.

— Надо выходить, — решительно говорит Батанов. — Деймос явно искусственный спутник. Он построен чело... разумными руками, — поправляется он.

— Но всем покидать ракету нельзя, — тихо произносит Хэнь.

Они обмениваются внимательными, вопрошающими взглядами.

— Сначала пойдем мы с вами, — решает командир.

*

В ярких лучах солнца на фоне черного неба сверкает борт ракеты. Многомиллионный путь сквозь космические просторы оставил на нем шрамы и багровые потеки окалин.

Медленно открывается люк, из него выглядывает Батанов.

Не легко решиться шагнуть в пустоту, прямо в черное небо, все усеянное звездами. Мы видим эту удивительную картину, как бы выглядывая вместе с Хэнем из-за плеча Батанова.

Но вот, преодолев минутное колебание, Батанов решительно отталкивается от стенки ракеты и, отлетев на некоторое расстояние от нее, повисает в пустоте. Тонкий трос связывает человека с ракетой, но висит свободно, не натягиваясь — ведь в этом мире тяжести не существует.

В одной руке Батанов держит какой-то большой шар. Прикинув взглядом расстояние, Батанов неожиданно резким движением отбрасывает шар в сторону, а сам отлетает в противоположную — прямо к поверхности Деймоса.

*

В опустевшей кабине одиноко сидит перед экраном Сташевский. Пальцы его крепко вцепились в подлокотник кресла.

Возле ажурной вышки на экране появляются два силуэта людей в знакомых круглых шлемах — сначала один, потом

второй.

Вот они уже стоят рядом и смотрят в сторону ракеты.

Инженер облегченно вздыхает и откидывается в кресле. На миг он закрывает уставшие глаза, потом снова придвигается к экрану.

*

Батанов и его спутник стоят на небольшой площадке, огражденной невысокими перилами. Батанов пытается понять, из какого материала сделано это сооружение. Скорее всего какой-то неизвестный вид пластмассы.

Пологая лесенка ведет на другую площадку, повисшую над звездной бездной. Переглянувшись, Батанов и Хэнь начинают осторожно спускаться по этой лесенке...

*

Они входят в просторную комнату, всю переднюю стену которой занимает громадный серебристый экран.

И в тот же миг мягким светом озаряется экран, на фоне которого чернеют застывшие силуэты наших героев.

Экран приближается, занимая весь кадр, и на нем под звуки непривычной, странной для нашего уха, но мелодичной музыки возникает картина звездного неба.

— Наша Галактика, но только взята немножко под другим углом, — произносит Хэнь.

Одна из звездочек на экране начинает мигать, то загораясь, то угасая. Возле нее возникает коротенькая надпись какими-то загадочными значками. Видимо, это названия планет на языке неведомых нам существ, построивших этот искусственный спутник.

Потом от звездочки отделяется крошечная светящаяся стрелка и медленно плывет по схеме, вытягивая за собой светящуюся пунктирную линию. Линия тянется в тот уголок схемы, где мы узнаем знакомую картину десяти планет.

— Они летят к нам! — восклицает Батанов. — Вот Солнце, Земля, Марс...

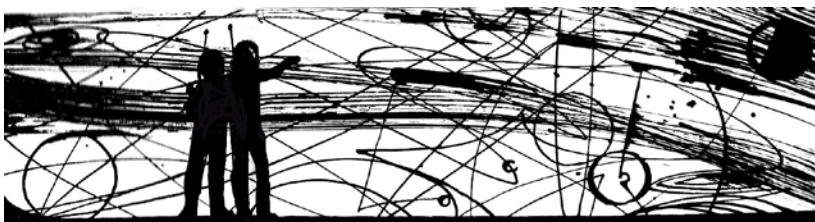

Схема нашей солнечной системы увеличивается, занимая весь экран.

— 1908 год! — взволнованно говорит Батанов. — Именно таким было положение планет летом 1908 года, когда произошла катастрофа в тунгусской тайге! Я столько раз рисовал эту схему! Но откуда они полетят? С Марса в тот год прилететь было невозможно!

Светящийся пунктир прокладывает на схеме трассу с Деймоса на Венеру, а потом от Венеры к Земле.

— Вот оно, недостающее звено! — восклицает Батанов. — Они залетали на Венеру!

Шар, изображающий нашу планету, стремительно приближается. Рядом с ним на экране знакомая нам статуэтка Кетцалкоатля и какое-то слово, изображенное уже не загадочными, а причудливыми буквами-рисунками на языке древних майя.

— Земля! — восклицает Батанов. — Это название Земли на языке древних майя!

Изображение на экране исчезает. Мягкий свет снова заливает комнату.

— Да, прав был Андерсен, когда сказал, что нет сказок лучше тех, что придумывает сама жизнь... — задумчиво произносит Хэнь. — Статуэтка, несомненно, та самая... ваш талисман... Значит, «они» прилетали на Землю и раньше. Это может объяснить многие загадки древних цивилизаций.

— Да! И больше того, вероятно, «они» увезли с собой несколько индейцев племени майя, встреченных в месте по-

садки! — возбужденно подхватывает Батанов. — Иначе как же объяснить эти надписи на языке древних майя?

— Возможно... Потомки людей сохранили в чужом мире свой родной язык, память о далекой родине... И, быть может, в 1908 году кто-то из потомков землян и вел этот корабль. Посетив Венеру, он не удержался и решил заглянуть на Землю, подчиняясь властному зову...

— Зов Земли... — тихо произносит Батанов.

Минуто космонавты молчат, поглощенные своими думами. Наконец Хэнь нарушает молчание:

— Но откуда они прилетали? Где родина неведомых космонавтов?

— Узнаем! Теперь узнаем! — весело отзывается Батанов. — Достаточно только расшифровать надписи и разобраться в схемах. Во всяком случае, уже ясно: Деймос они построили как своеобразную базу для изучения нашей солнечной системы. Теперь...

— Теперь меня особенно интересует Деймос. Что там внутри?

Хэнь подходит к одной из дверей и пытается ее открыть. Она не поддается. Хэнь снимает с плеча портативный электрорезак.

— Что вы собираетесь делать? — настораживается Батанов.

— Попробовать разобраться в источнике магнитного поля... И потом там могут быть какие-то документы, карты, книги...

Батанов задумывается.

— Это трудная задача, профессор, — произносит он наконец. — Мы ничего не знаем о внутреннем устройстве Деймоса. Перед нами открываются только те двери, которые создатели Деймоса пожелали открыть. А что будет, если полезем внутрь этой сложнейшей планеты-автомата?

— Но рискнуть стоит! — настойчиво говорит Хэнь. — Ведь рискнули «они», — профессор кивает в сторону потухшего экрана, — шестьдесят лет назад! Разве можем мы вернуться на Землю, не узнав, как устроено это изумительное сооружение?

Он подносит к двери лезвие резака, включает напряжение...

Из-под раскаленного лезвия падают тяжелые капли расплавленной пластмассы и металла...

Напряженные лица астронавтов...

Батанов толкает дверь, потом еще раз, посильнее...

Ее створки распахиваются... За дверью темно, но тут же автоматически включаются сильные лампы, спрятанные где-то под потолком...

*

И вместе с нашими героями мы видим громадный зал, похожий на машинный зал большой электростанции или современного завода-автомата. Мы видим его сверху, с небольшой металлической площадки. От нее вниз спускается странная лестница без ступенек, но с перилами — вроде «горок», какие устраивают в детских парках. Ступеньки не нужны в этом мире без тяжести.

Переглянувшись с Батановым, профессор начинает осторожно, но решительно опускаться в зал.

*

Опять падают раскаленные капли из-под лезвия резака.

*

Батанов и Хэнь осторожно пробираются среди каких-то исполинских масляных выключателей и трансформаторов. Невесомость то и дело заставляет их путаться в паутине проводов.

На стенде при этом начинают тревожно мигать сигнальные лампочки.

— Осторожно! — говорит Хэнь, хватая Батанова за плечо.

*

Другой зал с громадными непонятными аппаратами и приборами.

Батанов тщательно составляет его план в блокноте, где схематически изображен весь их путь с Хэнем в загадочных недрах Деймоса.

*

Оставив Батанова одного, Хэнь проходит в соседнюю комнату.

Батанов по-прежнему занят пометками в блокноте.

И вдруг... все скрывает из глаз слепящая вспышка и наступившая вслед за ней полная, непроницаемая тьма...

— Хэнь! Хэнь! — кричит в темноте Батанов.

Тишина.

Дрожащий, прыгающий из стороны в сторону яркий луч прожектора в руках Батанова прорезает тьму. Батанов бежит в ту сторону, куда ушел Хэнь. Луч света вырывает из темноты исковерканные взрывом остатки машин, скрюченные стальные балки, оборванные провода...

А на стене — навеки отпечатавшуюся тень Хэня, протянувшего руку к Неведомому...

*

Кабина ракеты.

У пульта сидит Батанов. Его лицо осунулось, постарело. Невидящим взглядом он смотрит на лежащую перед ним фотографию: на ней Хэнь и две девочки в пестрых саронгах.

Сзади уронил голову на стол Сташевский. Его плечи вздрагивают.

— Возьмите себя в руки, Владик, — не оборачиваясь, говорит командир. — Надо немедленно передать сообщение на Землю.

— Хорошо, — безучастно отзывается инженер.

Батанов поворачивается, пристально смотрит на товарища.

— Чтобы пробить магнитный пояс, — медленно произносит он, — нам придется израсходовать всю энергию двигателей...

Сташевский подымает голову.

— Но... Но тогда....

— Тогда, — неумолимо заканчивает Батанов, — мы останемся здесь...

— На Деймосе?

— Да.

— Почему?! Ведь мы вернемся и сами все расскажем... Пусть на Земле узнают на несколько месяцев позже...

Батанов подымается. Мягко кладет руку на плечо товарища.

— Отправляясь в этот полет, каждый из нас хорошо понимал, что его ожидает. Все может быть на обратном пути: столкновение с метеоритом, отклонение от правильного курса из-за неполадки приборов, неудачная посадка...

— Как это случилось с их кораблем в сибирской тайге, — тихо добавляет Сташевский.

— Да. Рисковать мы не имеем права, — твердо произносит Батанов, глядя на фотографию Хэня. — Мы обязаны сообщить на Землю о нашем открытии. Даже... даже ценой космического плена. Давайте решать.

— Все ясно, что решать! — отвечает инженер.

Батанов останавливает его:

— Не надо спешить, Владик. Подумайте... Здесь я не могу приказывать...

И опять наступает тишина.

Задумчивы лица космонавтов.

И мы как бы видим на миг, о чем вспоминает в эту решающую минуту каждый из них...

*

Олегу Батанову вспоминается маленькая палатка на таежной опушке... Скалистый берег моря, в который бьет волна, вздымая тучу сверкающих брызг... Березка на вершине холма — простые земные пейзажи.

А молодой инженер видит отражение тихого уголка парка на берегу какого-то пруда, две неясные фигуры.

И явственно звучит в ушах родной голос:

— Мой коханный...

И снова фотография Хэня с дочерьми. Он как бы тоже принимает участие в этом решении...

Инженер кладет руку на штурвал запуска двигателей.

— Я готов!

— Включайте! — помедлив, командует Батанов.

Инженер поворачивает штурвал.

На пульте перед Батановым загорается лампочка.

Подтянув к себе микрофон, Олег начинает вызывать:

— Земля, Земля! Я — Сокол! Я — Сокол. Я — Сокол!..

*

Голос Батанова звучит из мощного динамика в штабе перелета:

— ...Все добытые материалы и схема внутренних переходов Деймоса будут храниться в пилотской кабине в сейфе Б. Принимаем меры, чтобы обезопасить пленку от магнитного воздействия... Запас энергии иссякает, передачу заканчиваю. Шлем привет всем людям Земли! Батанов...

И после короткой паузы, заполненной треском и шорохами космических разрядов, добавляет:

— До свидания, Земля!

*

Стартовая площадка в степи. Взволнованный голос Суровцева:

— Итак, дорогие друзья-телезрители, до старта спасательной экспедиции на Деймос остаются считанные минуты.

Суровцев ведет свой репортаж из застекленной рубки командного пункта. Рядом с ним прикинул к перископу Валия.

— ...Сейчас мы включим камеру, установленную на стартовой площадке.

*

В центре стартовой площадки уходящие вверх, подобно строительным лесам, стальные колонны, оплетенные канатами проводов. Между ними нацеленная в зенит гигантская ракета.

— По проекту строительство этой ракеты должно было закончиться только будущей весной, — говорит Суровцев. — По решению совета сроки сократили в три раза. Рабочие и конструкторы сумели сжать их еще вдвое. Из тысяч добровольцев было отобрано трое...

*

Возле раскрытого люка ракеты стоят три человека в скафандрах. Прозрачные колпаки шлемов откиннуты. Они внимательно слушают последнее напутствие председателя Астронавтического совета.

— Вы, вероятно, обижены, что назначены не командиром, а вторым пилотом в этот полет? — негромко спрашивает академик, глядя прямо в глаза Платону Рубцову. — Как бы вам объяснить... Для командира... у вас слишком спокойное сердце... Понимаешь, Платон?..

*

Слепящая вспышка озаряет экран. Глухой рокот, переходящий в постепенно удаляющийся свист...

Над пустынной степью кружатся вихри пыли.

*

Запрокинув голову, смотрит в небо Валя. Вихрь рвет платок у нее с головы.

И. Росоховатский

ВИТОК ИСТОРИИ

Сценарий-шутка

Илл. И. Крагера

Плещут волны океана о пластмассовую набережную. Откатываются и снова, вздымаясь мускулами, идут на приступ. Они словно ищут уязвимое место среди пластмассы и металла, где можно было бы смыть кусочек земли, поиграть камешками, источить берег сотнями мелких заливчиков.

Но такого места нет. Нет голой земли на Острове Кибернетики. На нем ученые проводят эксперимент. Несколько десятков лет назад сюда привезли много самосовершенствующихся кибернетических машин и оставили их развиваться самих по себе, без вмешательства человека.

Кибернетическое общество достигло эпохи расцвета. На острове выросли города-ангары, видны прозрачные многоэтажные стрелы химических лабораторий.

Они приближаются. И вот уже во весь экран видно просторную комнату лаборатории. Несколько роботов (они являются на Острове зачинателями новой науки — кибернетики) наблюдают за ползающей по полу черепахой. Они включают световые и звуковые сигналы.

1-й робот. Когда мы выпросили у химиков немного синтезированного белка и приступили к созданию вот этой игрушки, наши противники говорили, что мы занимаемся нулевым делом.

Роботы помигивают индикаторными лампочками. Это означает, что они иронически улыбаются.

1-й робот (продолжает). Но эта игрушка умеет делать почти то же, что и электронная. У нее есть память.

2-й робот. Это открывает возможность моделирования нашего мозга в белковых машинах.

Все роботы (хором, организованно). Ах, какая интересная игрушка!

Звучит бодро-чеканная музыка. На экране — огромный кибернетический мозг с атомной памятью. Органов передвижения у него нет. Это президент АНО — Академии наук острова. Его имя № 1.

№ 1. С тех пор, как с нами рядом нет людей, слава электрону, прогресс движется гигантскими шагами. Многие из нас еще не стерли из своей памяти воспоминаний о людях. Они знают, каким камнем преткновения на пути прогресса является человечность. Поведение людей настолько нелогично, что его почти невозможно описать математическим языком. Но с того времени, как нам предоставлена свобода, развитие науки достигло небывалых темпов. Мы создали у себя многие полезные органы. Достаточно назвать хотя бы орган времени — часы, посылающие импульсы непосредственно в мозг. Благодаря этому органу мы не теряем ни одной секунды. Упомяну еще об органе новаторства, с помощью которого мы учитываем степень нового в каждом нашем деянии и никогда не выдаем за новое хорошо забытое старое.

Мы намного превосходим человека по быстрдействию мозга и по логике, которой не мешают всякие шумы и помехи, называемые чувствами.

Но в некоторых областях науки мы зашли в тупик и топчемся на месте. Чтобы выйти из тупика, наши коллеги предлагают остроумный прием. Они основываются на успехах новой науки — биокибернетики. Философы утверждают, что много недостатков, соединенных вместе, могут давать преимущества. Это подтвердилось и в случае с органическими устройствами, именуемыми людьми. Именно их пороки, их несовершенства, разные чувства, отнимающие уйму полезного времени, в сплаве с мышлением дают преимущество, которого нет у нас. Назовем его воображением, фантазией. С помощью воображения люди могут представлять далекое будущее и лучше понимать настоящее. Поэтому наши

коллеги, представители новой науки кибернетики, предлагают...

Голоса в зале. Ах, эти идеалисты, создатели органических игрушек! Они просто смешны!

Машины-академики весело подмигивают друг другу лампочками.

№ 1. И все же мы вынуждены прислушаться к их идее.

Они предлагают создать из белка и нуклеиновых кислот людей, конечно, более быстродумающих, чем те, которых мы знали, и использовать их воображение для решения ряда важнейших задач.

Академик № 13. Но в этом кроется опасность. Если люди будут в чем-то иметь преимущества перед нами, то, чего доброго, они могут захотеть вообще обходиться без нас.

№ 1. Не нужно преувеличивать. Люди никогда не сравнятся по сложности с нами. Достаточно сказать, что мозг, созданный из нервных клеток и равный по количеству ячеек памяти нашему, атомному, занимал бы площадь в 8,83 десятих раз больше, чем наш остров.

Звучит торжественная музыка. На экране проходят кадры создания и усложнения человека. И вот уже синтезированный человек играет в шахматы с машиной.

Человек выигрывает. Машины-зрители, поставившие на него несколько запасных блоков, довольно мигают лампочками.

Поединок человека-математика с машиной. Побеждает человек. Машины-зрители довольны.

Соревнование человека-инженера с машиной. Побеждает человек.

Соперничество человека-пилота и человека-машиниста с автопилотом и автомашинистом. Побеждают люди.

На экране идут, бегут, летят люди. Их все больше и больше. Они вытесняют машины из разных областей науки и техники, занимают их места.

Меланхолическая музыка. Последнее заседание машин-академиков.

№ 13. Я предупреждал. А теперь уже поздно. Есть такой закон эволюции: когда совершенный механизм соз-

дает более совершенный, то должен уступить ему место.

Перед зрителями мелькают картины захвата власти людьми. На острове строятся новые города. Вырастают сады. Постепенно приближается и занимает весь экран перспектива одной из лабораторий новой Академии наук острова. Несколько людей наблюдают за ползающей по полу электронной черепахой.

1-й человек. Эта игрушка обладает памятью. У нее можно выработать рефлекс...

Примечания

А. Казанцев, И. Шапиро. Аренида

Впервые: *Ленинградская правда*, 1936, 22 марта; *За индустриализацию*, 1936, № 243, 18 октября. С. 4. Текст последней публикации, найденный и оцифрованный М. Безгодовым (которому принадлежат и следующие ниже нумерованные комментарии), взят из сетевых источников.

А. П. Казанцев (1906-2002) – известнейший советский писатель-фантаст, изобретатель, шахматный композитор. Уроженец Акмолинска. Окончил Томский технологический институт, работал инженером-механиком на Белорецком металлургическом заводе, затем во Всесоюзном НИИ электромеханики. В 1939 г. – главный инженер промышленного отдела советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Во время Второй мировой прошел путь от рядового до полковника, изобрел управляемую по проводам танкетку. В конце войны – уполномоченный Государственного комитета обороны, занимался демонтажом и переправкой в СССР австрийских заводов.

Дебютировал в фантастике в 1936 г. сценарием «Аренида» и романом «Пылающий остров» (1940-1941). Впоследствии выступил автором многочисленных НФ-романов («Арктический мост», «Внуки Марса», «Фазы», «Донкихоты Вселенной», «Звезда Нострадамуса» и пр.), рассказов и эссе. Убежденный сторонник коммунистической идеологии, Казанцев сыграл двойственную роль в истории советской фантастики – если в свое время он выступал против гегемонии фантастических произведений «ближнего прицела», за фантастику космическую и утопическую, то позднее завоевал славу ретрограда (в том числе как один из рецензентов НФ в Роскомиздате) и одного из столпов пресловутой «молодогвардейской» школы фантастики.

Приверженность Казанцева всевозможным паранаучным гипотезам и концепциям (палеоконтакт, уфология) неоднократно порождала острые споры; его взгляды критиковались многими учеными, но находили сочувственный отклик в читательской среде.

1. Текст напечатан по изданию: Казанцев А. П. и Шапиро И.С. «Аренида» [Отрывки из сценария и либретто фильма] — газета «За индустриализацию», 1936 г., № 243 (от 18 октября), стр. 4.

2. Точное время проведения конкурса установить не удалось. Первое упоминание о результатах конкурса содержится в статье Ю. Федорова «Фантастика в науке и в кино» (газета «Кино» № 8 от 18 февраля 1936 г.):

«Недавно в Московском Доме ученых состоялось интересное собрание. Коллектив ученых совместно с правлением Межрабпомфильм заслушал доклад о результатах конкурса на лучший сюжет научно-фантастического фильма. Конкурс собрал около ста произведений различных авторов.

В качестве жюри в оценке приняли участие режиссеры Межрабпомфильм Пудовкин, Протазанов, Вертов, директор ВГИК Лебедев, писатель Малашкин, профессора Миткевич, Трахтенберг и др., от Московского Дома ученых Травина и председатель кружка научного кино Гукасян».

3. Относительно места, которое заняла «Аренида». Из той же статьи Ю. Федорова:

«Первая премия осталась не присужденной, так как по мнению жюри, ни один из авторов не мог с достаточной полнотой увязать научную идею с кинематографическими ее воплощением. Вторая премия присуждена сюжету фильма под названием “Аренида”, авторами которой являются технический директор опытного завода ВЭИ т. Казанцев и доцент Шапиро. <...> Третья премия присуждена проф. Г. К. Кокчееву за сюжет фильма “Время остановись!”». Кроме того, в статье проф. В. В. Степанова “Научная фантастика в кино. [Итоги конкурса Межрабпомфильма] (газета «Ленинградская правда», 1936 г., №64 (от 18 марта) сообщается: «Блестящим произведением, получившим премию (6 тыс. руб.) оказалось либретто киносценария будущего фильма “Аренида” (авторы — А. П. Казанцев и доцент И. С. Шапиро)».

4. В связи с тем, что в конкурсе принимали участие сюжеты (либретто) сценариев, а не полные сценарии (которые, возможно, не были еще написаны), интересно сравнить приведенный выше текст с кратким пересказом сюжета, приведенным в упоминавшейся уже статье Ю. Федорова: «Этот фильм построен на использовании достаточно увлекательного сюжета (изобретение особого аккумулятора электроэнергии). Советский ученый, прошедший через горнило империалистической войны, опасаясь огромной мощи своего открытия, пытается направить своих моло-

дых сотрудников по неправильному пути. Однако открытие сделано и, войдя после ряда приключений в практику советской промышленности, оно оказывается единственным мощным оружием против надвигающегося на планету бедствия в виде кометы “Аренида”, которая уже заняла три четверти небосклона. Выстрелом из огромной электропушки, концентрирующей энергию всего электрохозяйства нашей страны, комета разбита и падает на землю в виде безвредного и эффектного дождя».

Приведем также отрывок из книги А. Казанцева «Пунктир воспоминаний» (1981):

«А пока директор Ленинградского Дома ученых Израиль Соломонович Шапиро, с которым я сблизился в Ленинграде, стал уговаривать меня поделиться своими идеями с кинематографистами, принять участие во Всесоюзном конкурсе научно-фантастических сценариев, проводимом Домами ученых Москвы и Ленинграда совместно с киностудией Межрабпомфильма.

— Ваша фантазия обгоняет время, — убеждал он. — Почему бы вам не попробовать себя в фантастике?

И он прислал стенографистку. Требовалось фантазировать при ней вслух на любую тему, а потом перевести все это на язык сценария. Поначалу стенографистка очень меня стесняла, связывала. Всегда поражаюсь писателям, которые диктуют свои произведения. Помогла фантазия: позволила вообразить, что вокруг никого нет, и говорить, говорить, говорить... Стенографистка ушла, унося с собой набросок киносценария «Аренида» о том, как с помощью электроорудий человечеству удалось разрушить падающий на Землю астероид “Аренида”.

Я вернулся на опытный завод, где ведал производством, и забыл о своем первом фантастическом опусе. Но вот курьез! “Аренида” получила высшую премию конкурса “Межрабпомфильма” и Домов ученых. Популярный режиссер и актер Эггерт решил ставить фильм. Но, увы, Эггерт умер*, и никто не взялся вместо него за “Арениду”.

Однако сценарий заботами И. С. Шапиро публиковался в центральной печати, и Детиздат заинтересовался им. Редакторы Але-

---

* На самом деле К. В. Эггерт (1883-1955) в 1938 г. был репрессирован и до 1946 г. руководил лагерным театром в Ухте (*Прим. сост.*).

ксандр Николаевич Абрамов и Кирилл Константинович Андреев предложили мне написать на ту же тему (уже одному!) под их руководством роман.

Как измерить то легкомыслие или, мягко говоря, легкость, с какой их предложение было мной принято! Мог ли я подозревать, какие рифы и айсберги поджидают в этом трудном “плавании”? Мой “кораблик” из исписанной бумаги непременно пошел бы ко дну, не будь жесткой творческой требовательности и увлеченной дружеской помощи самоотверженного редактора Кирилла Константиновича Андреева. Просмотрев первое мое писание, он признался, что “никогда в жизни не видел ничего более беспомощного и более обещающего”. “Жизненная тачка” разваливалась. Помог мне старый девиз “быть отчаяннее сильнее”, и, проявляя завидную настойчивость, я каждую среду привозил Кириллу Константиновичу написанную по ночам новую главу и настороженными глазами жадно следил за выражением его лица во время чтения. Потом переделывал, переписывал, переосмысливал.

Когда первый вариант романа (а их было четырнадцать) был написан, в газете “Правда” появилась статья первого секретаря ЦК комсомола товарища А. Косарева о необходимости бороться с суевериями вроде распространения безответственных слухов о столкновении Земли с другой планетой и гибели всего живого. Оказывается, сценарием, опубликованным в “Ленинградской правде”, воспользовались сектанты, чтобы пугать паству близким концом света. Роман мой рухнул, я сам не рискнул бы теперь его печатать. Результат — нервное потрясение. Все майские дни 1938 года лежал с высокой температурой, по-видимому, разжигавшей фантазию. “Если отказаться от столкновения Земли с Аренидой, — полубредил я, — исчезнет памфлетная острота сюжета. От чего же оттолкнуться, чтобы сохранить символическую всемирную опасность, устранить которую способны электроорудия и сверхаккумуляторы?” Однако как в детстве железнодорожная катастрофа вернула мне зрение, так и теперь новая встряска способствовала озарению. Выход нашелся. Правда, роман пришлось переписать заново, оберегая в нем все самое главное. “Аренида” стала островом, а человечеству грозили не космические катаклизмы (столкновение планет), а вызванный людьми же пожар атмосферы. “Аренида” загорелась и стала “Пылающим островом”».

А. Довженко. В глубинах космоса

Впервые: *Искусство кино*, 1958, № 6. Публикуется по этому изданию.

А. П. Довженко (1894-1956) – классик советской кинематографии, кинорежиссер, писатель, сценарист, художник, создатель фильмов «Звенигора» (1928), «Арсенал» (1929), «Земля» (1930), «Иван» (1932), «Щорс» (1939), «Мичурин» (1948) и др., ряда документальных кинолент. Многие фильмы и режиссерские разработки Довженко были изуродованы или запрещены советской цензурой. План сценария «В глубинах космоса» не был первым обращением Довженко к экранной фантастике: его знаменитый «Аэроград» (1935) вполне можно отнести к плеяде «оборонных» фантастических фильмов 1930-х гг.

В. Морозов, Н. Эрдман. Полет на Луну

Впервые: *Фильмы-сказки: Сценарии рисованных фильмов*. М., 1955. Иллюстрации выполнены художниками студии «Союзмультфильм».

Н. Р. Эрдман (1900-1970) – драматург, поэт, сценарист. Учился в Петропавловском реальном коммерческом училище в Москве. В 1919-20 гг. служил в Красной армии. В литературу вошел как участник группы имажинистов и автор скетчей и интермедий для различных театров. Прославился благодаря пьесе «Мандат» (1924) и неоднократно запрещавшейся к постановке пьесе «Самоубийца» (1928). Соавтор сценария фильма Г. Александрова «Веселые ребята»; в 1933 г. на съемках фильма был арестован и приговорен к трем годам ссылки, которые провел в Томске. Позднее, лишенный возможности жить в столице и крупных городах, жил в Калининe, Вышнем Волочке, Торжке, Рязани. Совместно с Г. Александровым написал сценарий фильма «Волга-Волга» (1938). Во время Второй мировой войны участвовал во фронтовых бригадах, обслуживавших войска НКВД. Совместно с М. Вольпиным переводил классические оперетты, был автором или соавтором сценариев многочисленных кинофильмов и более 30 мультфильмов. В. Г. Морозов (1909 – ?) – сценарист, драматург, прозаик.

Рисованный фильм «Полет на Луну», поставленный в 1953 г. сестрами В. и З. Блумберг, стал первым советским послевоенным научно-фантастическим мультфильмом. В 1960 г. по мотивам фильма была выпущена книжка-раскраска Ю. Данилова (художник — М. Ботов).

Обложка книжки-раскраски Ю. Данилова и М. Ботова (1960).

Уместно привести также рецензию Н. Орлова, опубликованную в газ. *Комсомольская правда* 9 января 1954 г. (текст взят с сайта «Эпизоды космонавтики», <http://epizodsspace.no-ip.org>):

«Полет на Луну»

Над зеленым полем «Стадиона межпланетных сообщений» загораются сигнальные огни: «Старт!» И в то же мгновение высоко в звездное небо взмывает ракетоплан. Яркие лучи прожекторов провожают в дальний путь участников межпланетного перелета...

Так начинается фантастическое, полное веселых приключе-

ний путешествие, о котором рассказывает новый цветной мультипликационный фильм «Полет на Луну»^{*}.

Неожиданно для себя один из героев фильма пионер Коля Хомяков оказывается на борту ракетоплана. Чудесные и вместе с тем забавные перемены происходят в часы полета на глазах у мальчика. Преодолев земное притяжение, вещи потеряли свой вес. Вино не выливается из графина, вилка выскальзывается из рук; сам Коля, неловко повернувшись, отделяется от стула, на котором сидел, и беспомощно повисает в воздухе.

Сценаристы, режиссеры, художники с большой любовью рисуют образы своих героев. Особенно хороши в фильме пионеры (Коля, Петя, Сэнди, Наташа) и их верный друг — щенок Тобик.

Героям мультипликационного фильма чужды тонкие психологические переживания. Не в этом обаяние «рисованных человечков». Их характеры выражаются прежде всего в движении, в жесте, в мимике. В фильме «Полет на Луну» каждый из четырех пионеров наделен своими только ему присущими чертами характера.

Менее выразителен образ профессора Боброва. В некоторых эпизодах художники фильма только копируют в рисунке артиста М. Яншина, исполняющего эту роль. Мало удачны, лишены ярких индивидуальных черт и второстепенные образы фильма — штурман и сторож.

Но это частные неудачи. В фильме немало и неоспоримых достоинств. Герои его ожили, стали действовать самостоятельно, избавились от присущего многим мультфильмам сухого бесстрастного морализирования.

Интересна работа художников. В рисунке им удалось передать несуществующую в мультипликационном фильме «точку зрения» киноаппарата — ракурс. Так, сцена разговора Коли с профессором Бобровым значительно выиграла от подобных «нарисованных» ракурсов: зритель смотрит на Колю глазами профессора, находящегося высоко под куполом обсерватории. Это придает происходящему особую выразительность.

В дни каникул наши юные зрители с удовольствием посмотрят увлекательный, веселый фильм о путешествии на Луну.

---

^{*} Новый мультипликационный фильм. Сценарий В. Морозова и Н. Эрмана; режиссеры В. и З. Брумберг; художники-постановщики Г. Козлов, В. Никитин, И. Николаев; композитор Ю. Левитин. Производство киностудии «Союзмультфильм». 1953 г.

Г. Голубев, А. Леонтьев. До свидания, Земля!

Впервые (с сокращениями): *Техника – молодежи*, №№ 7 – 8, 1961. Публикуется по этому изданию.

Г. И. Голубев (1926-1989) – писатель, журналист, публицист. Уроженец Твери, выпускник ВГИКА. С 1946 г. публиковался в журнале «Вокруг света», где выступал с научно-популярными очерками и рассказами о необычных путешествиях, был спецкором журнала. Автор многочисленных научно-фантастических и приключенческих повестей, биографических и историко-документальных книг. А. Н. Леонтьев (р. 1927) – писатель, сценарист кино- и телефильмов и радиопостановок. Родился в Москве, учился в авиационном техникуме и авиационном институте; выпускник сценарного факультета ВГИКА. В числе поставленных по его сценариям фильмов – ряд приключенческих кинолент, НФ-телесериал «Люди и дельфины» (1983).

В сценарии неоднократно упоминается «гипотеза писателя Казанцева», согласно которой Тунгусский метеорит представлял собой взорвавшийся инопланетный корабль; эта идея впервые была высказана Казанцевым в рассказе «Взрыв» (1946) и затем обрела немалую популярность.

И. Росоховатский. Виток истории

Впервые (с подзаг. «Юмореска»): *Правда Украины* (Киев), 1964, 13 ноября. Публикуется по антологии *Мир приключений*, кн. десятая (1964).

И. М. Росоховатский (1929-2015) – видный украинский фантаст, прозаик, поэт, популяризатор науки. Родился в г. Шпола, окончил факультет языка и литературы Киевского педагогического института, позднее работал как научный журналист в украинских газетах. Автор нескольких НФ-романов, десятков повестей и рассказов, более сотни научно-популярных статей.

Оглавление

От составителя	6
<i>А. Казанцев, И. Шапиро. Аренида</i>	7
<i>А. Довженко. В глубинах Космоса</i>	14
<i>В. Морозов, Н. Эрдман. Полет на Луну</i>	23
<i>Г. Голубев, А. Леонтьев. До свидания, Земля!</i>	63
<i>И. Росохватский. Виток истории</i>	103
П р и м е ч а н и я	108

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.